

Дмитрий Власов

*ВЕДЬМА
ИЗ БЭЙЛЯ*

Дмитрий Власов

Ведьма из Бэйля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40149001

ISBN 9785449609816

Аннотация

Отзывы читателей: «Прочитала на одном дыхании... написано ярко, образно, стиль не занудный, легко читаемый... мне понравилось!». «Неплохо, читается легко и интригует». «Продолжение серии будет? Чувствую намек в книге на то, что это только часть. Жду с нетерпением!».

Содержание

Глава 1 «Дочь Ведьмы»	5
Глава 2 «Борео-Лис»	15
Глава 3 «Истрицкий душитель»	28
Глава 4 «Амулет Анны»	44
Глава 5 «Псы пустыни»	62
Глава 6 «Возвращение домой»	80
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Ведьма из Бэйля

Дмитрий Власов

*Людам все равно во что верить...
Самые жуткие религиозные культы,
суеверия и даже глупые сказки-
все берется на веру,
если это служит чье-то выгоде
Люций*

© Дмитрий Власов, 2019

ISBN 978-5-4496-0981-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 «Дочь Ведьмы»

Промозглый туман проникал даже под теплую подкладку кольчуги, а холодный ветер уносил остатки тепла, что оставались на открытой коже после того, как путник выбирался из ложбины на очередной холм. Провинция Дзань в это время года не радовала солнцем – вторую неделю серые тучи прятали за собой тепло светила, этого извечного символа Добра. И именно здесь они нашли старую ведьму, о которой рассказывали страшные сказки на ночь, по всей округе.

Верховный инквизитор отрядил для этой казни лучших воинов, проверенных и беспощадных убийц, исполняющих любой приказ беспрекословно – неважно, кто перед ними – женщина, ребенок или старик. На мече каждого были руническое «Имя им всем – зло», и форма не имела значения.

Две недели отряд прочесывал деревни этой холмистой провинции, а погода по-осеннему приветствовала их то колючим ветром, то снегом вперемешку с дождем. Но деньги и лучший друг инквизиции – жестокие пытки, сделали своё дело. И хотя солдаты солнца озлобились и устали, они с еще большим остервенением шли по следу старухи – их вера была примером для всех добрых людей по эту сторону Аквильского моря. Обитые алым цветом щиты и шлемы вызыва-

ли благоговейных страх у любого, кто осмеливался лишь посмотреть на них, а из усталых глаз волкодавов Великой инквизиции тускло смотрела на мир сама смерть.

И вот, наконец, охотники настигли добычу. Старуха схоронилась от погони на краю озера, в ветхом домике у самой воды. Место было просто чудесным – красоты бездонного осеннего озера завораживали даже черствые сердца солдат. Природа умирала на зиму, и тишина над темной водой была звенящей, любой громкий звук воспринимался как нечто нездешнее и чужое. Лес же был мрачен и холоден в своем великолепии, деревья-гиганты скрывали небо своими могучими ветвями.

Каратели пришли ночью, и капитан ловко отсек коротким ударом меча голову старой женщине, вышедшей на шум в сенах. Почти синхронно со звуком рассекающей воздух стали слух ночных пришельцев пронзил детский крик такой высоты и силы, что у Ноя зазвенело в ушах, а во рту проступил привкус крови. Секундного замешательства хватило на то, чтобы серая тень в рваных лохмотьях метнулась между солдатами за дверь. Разочарованный окрик сержанта, оставленного стеречь двор, означал, что и он упустил ребенка. Чертовка оказалась удивительно шустрой, как ртуть просочилась она и между секретами на дороге, и ускользнула от глаз лучников, выставленных на соседнем холме.

Наскоро предав огню убежище зла, волкодавы двинулись в сторону городка Бэйль, что был в паре дней пути. Расплата пришла на вторую ночь, часовые, охранявшие сон товарищей, не успели поднять тревоги.

Ной проснулся от звенящей боли в голове, будто накануне он не слабо приложился к пастонскому красному, а потом смешал все это с аквильской медовухой. В голове гудело, а ноги не слушались хозяина. В полубреду он бродил по ночной стоянке среди трупов своих боевых товарищей и их скакунов, не издавших ни звука и павших прямо на месте, там, где их оставили хозяева.

Воины мешками лежали на своих постах, не успев даже выхватить оружия для противостояния тому, что пришло к ним из густого тумана. В голове единственного выжившего роился клубок непонятных мыслей, одна путалась с другой, выбивая смысл из предложений, а слова меняя местами. Однако он отчетливо понимал, что ему куда-то нужно идти, и сил противостоять этому зову хватило лишь на то, чтобы собрать оружие ордена и утопить в ближайшей зловонной канаве. По непонятной причине он поступил так же и со своим мечом и кинжалом, хоть и не мог сам себе объяснить причины такого поведения. Упав без сил на краю болота, он окунулся в холодную жижу лицом и немного при-

шел в себя. Предать земле тела своих соратников Ной уже физически не мог, но как только повернулся в сторону, откуда исходил непонятный зов, ноги тут же понесли его прямоком через лес, словно не было этих дней утомительного перехода. Он словно со стороны наблюдал, как его тело ловко преодолевает овраги и топи, перескакивает с бревна на кочку и уклоняется от нависших веток. По его подсчетам, он шел так уже почти сутки, а судя по направлению- возвращался к месту казни старой ведьмы. Не иначе, дьявольское колдовство послужило причиной всему этому бреду, каратель до конца не верил в происходящее и надеялся проснуться рядом со своими товарищами на лесной стоянке.

Пешком путь выдался неблизкий, и то, что верхом отряд преодолел за менее чем сутки, оставшийся в живых волкодав преодолел за два дня. Непонятно откуда берущиеся силы делали его неутомимым, но двигаться быстрее лошади он всё же не мог. Зов лишь несколько раз отпускал его для того чтобы воин мог оправиться и напиться воды, потом возобновлялся с новой силой, неумолимо толкая его к пепелищу избушки у озера. Когда он, изможденный и замерзший, перевалил последний из всех этих треклятых холмов, его взору открылось удивительное зрелище. На месте дымящихся развалин, которые инквизиторы оставили за собой, высился погребальный курган. На глаз он был насыпан таким образом, будто стремился скрыть избушку у реки целиком, словно

она не была сожжена. Но самое удивительное – на вершине холма стояла свежесрубленная беседка с резными ставнями и лавками вдоль перил. Призрачный свет исходил из-под купола, нависшего над небольшим очагом в центре конструкции, а сквозь свет угадывался человеческий силуэт. Зов манил Ноя туда.

Спотыкаясь о колдобины, инквизитор отметил, что курган возведен все-таки не волшебством – окрест было полно следов от повозок и отпечатков копыт. Свежие стружки рассказали и о строительстве беседки. Приблизившись, он разглядел, что у подножия кургана земля устлана цветами и заставлена спиртным и съестными припасами. На лавке у каменного очага в центре беседки сидела девушка.

Она кивнула на лавку рядом с собой, едва завидев приближение мужчины, и зов отпустил. Ной аккуратно извлек метательное лезвие из наруча на левой руке и стал ждать удобного момента. Он видел лишь силуэт, свет здорово мешал прицелиться, и разглядеть целиком таинственную незнакомку удалось только подойдя метров на пять.

– Если будешь пытаться меня убить, то не узнаешь, что же здесь произошло, – девушка игриво улыбнулась и повела плечами. Каштановые волосы при этом скользнули вместе с накидкой с плеча, и Ной заметил, как она красива. Дьяволь-

ски красива. Весь облик настолько не вязался с ситуацией, что он даже ущипнул себя еще раз, да посильнее, в надежде проснуться. Но сон не кончился, а ноги послушно донесли его до лавки и усадили точно в указанном месте. С каждым шагом он ощущал, как немеет рука у него за спиной, и вскоре услышал, а не почувствовал, как нож упал на свежооструганные доски пола.

– Почему ты считаешь, что мне это интересно? – собственный хриплый голос показался ему скрипением колёс старой телеги по сравнению с трелями незнакомки. – Может, сразу к делу? Ты – дочка ведьмы, ведь так?

– Фи, как некрасиво. Как можешь ты, неотесанный вояка, называть почтенную пожилую даму ведьмой? И тем более, так бесцеремонно решать ее судьбу? – говоря это, девушка не переставала улыбаться, смешно гримасничать и морщить носик, и Ной получил время разглядеть ее получше. Девчушка лицом была лет на пятнадцать, однако тело, несмотря на прохладу прикрытое немногочисленными одеждами, указывало на зрелую женщину. Гибкая, с бледно-белой кожей и изящными руками, она никак не походила на воспитанную в глуши деревенщину. Скорее на даму при дворе Императора. На тонком запястье у молодой ведьмы висела связка амулетов, на которые она периодически скашивала взгляд, словно в поисках подсказки. Глаз инквизитор не разглядел,

ведь всем известно – ведьме в глаза долго смотреть нельзя.

– Она практиковала ведовство, а это запрещено нашим императором. Черная магия официально признана вне закона. – Ной упорно разглядывал изящную босую ножку, не решаясь поднять глаза на чертовски симпатичное личико собеседницы. – А тот, кто ставит себя вне закона – рано или поздно встречается с карателями.

– Прекрати, служивый! – голос незнакомки резко поменялся с мягкого, игривого, на властный и сильный. Он будто шел из глубины большого духового инструмента – такой звук ощущаешь кожей. – Разве это похоже на могилу ведьмы? Погляди. Все это сделали местные крестьяне. Они почитали ее, а она им платила тем же – лечила скот, спасала детей от недугов. И тут пришли вы со своим императором и все решили переделать по-своему! Как глупо! – в последних словах инквизитор уловил горечь и обиду, свойственную ребенку. Но считать её ребенком было большой ошибкой – несомненно, перед ним приемная дочь казненной старухи, что ускользнула от них несколько дней назад в избушке у озера.

– Императора глупцом называть – уже преступление. Сомневаться в его решениях – преступление вдвойне. А ослушаться приказа – навлечь беду на себя и своих близких. – Ной пытался вернуть чувствительность руке, чтобы, когда

разговор наконец выведет девушку из себя, резким ударом сломать ее хрупкую на вид шейку. Дистанция позволяла, а беседа текла в нужном русле.

– Навлечь беду? А ты никогда не задумывался, сколько бед вы навлекаете своими расправами? Сколько детей осталось без родителей? Жен без мужей? Родителей без опеки в старости? – девушка слегка порозовела от напряжения, а рука рыцаря уже потихоньку начинала слушаться хозяина – он уже чувствовал пальцы. – Я, как ты заметил, обладаю некими способностями. И уже подумываю, не показать ли вашему старикашке-императору, что на самом деле значат эти пафосные слова – навлечь беду.

Инквизитор понял, что полностью вернул контроль над рукой. Девушка увлеклась, дала волю эмоциям... потеряла контроль. Ной немного поднял взгляд, выбирая удачный момент.

– Именно поэтому мы казним всех, женщин, детей, стариков. Чтобы некому было мстить. Что до тебя.... В твоих словах – ересь, твои желания преступны, а дар твой – называется черной магией.

С этими словами он выбросил левую руку в глаза девушке в обманном жесте, а правой что есть мочи рубанул наотмашь,

с широкого замаха, прямо в точеную шею. Раздался дикий вой, и от него в сторону границы света метнулась серая тень. Звук стих, как только она нырнула во тьму, и на инквизитора из ночного тумана уставились два уголька глаз. Обхватив распухавшую на глазах кисть второй рукой, Ной отметил, что одному ему тут точно не справится – бестия была действительно сильна.

– Верный пес императора, – голос всхлипывал и стал совсем детским, можно было подумать, что из густой пожелтевшей травы с ним разговаривает обычный ребенок, если бы не два светящихся глаза, которые смотрели на него из спасительной темноты. – Вы убили мою маму, а она ничего не сделала плохого. Теперь ты хочешь убить меня. За что? Мой дар – он дан мне по праву рождения. И я применяла его лишь во благо. До этого момента. До встречи с тобой я сомневалась, я оставила тебя в живых, после того, как в приступе ярости расправилась с остальными убийцами. Я хотела, чтобы ты донес мою боль. А ты понесешь проклятие. Теперь – ты подчинен одной цели. И идти тебе будет легко только в сторону своей судьбы. А судьба твоя – положить сердце твоего императора на этот курган. Своими руками. А я буду смотреть. За тобой..... Всегда.....

С последними словами голос стал затухать, как и начали меркнуть светящиеся точки, смотревшие на него в ночи. Рез-

ко начало светать, и там, где минуту назад горели звериные глаза, постепенно растворялся под первыми лучами солнца свитый из тумана силуэт прекрасной девушки.

Глава 2 «Борео-Лис»

К исходу четвертого дня пути Ной встретил гонца из Пришты в Бэйл, который любезно согласился довести его на сменной лошади до старого поселка лесорубов, благо ехать оставалось совсем недалеко. Сменный комплект одежды все того же гонца был хоть и не в пору, но зато позволял сойти за кого угодно, но только не за бойца из отряда святой инквизиции. По крайней мере, на первый взгляд. Не все разделяли методы и практики этого благословенного солнцем ордена, а потому – лишний раз раздражать простой люд не стоило. Упрятав в свои сумы Ноеву кольчугу, за которую в столице можно было выменять небольшой дом, гонец помчался дальше по своим делам, оставив рыцаря у окраины Бэйля. Городишко состоял из дюжины капитальных построек, таких как церковь, таверна и постоялый двор, окруженных утлыми лачугами работяг и парой особняков горожан позажиточнее. Наперво помолясь в церкви, волкодав быстро расспросил местного священника. Печать инквизиции побудила служителя солнца потрясти мошной, однако городишко был беден, как и его церковный приход. Вырученных монет хватило бы разве что на одежду по размеру, не то чтобы на снаряжение и лошадь, поэтому Ной отказался от этой помощи. После чего направился к ростовщику, которого рекомендовал святой отец.

Ростовщик жил в двухэтажном доме со складской пристройкой, почти что на городской площади. Дождавшись, когда от него выйдет очередная порция заемщиков, инквизитор шагнул на порог лавки.

Сухой, но уже начинающий набирать жирок пожилой мужчина суетливо убрал принесенные предыдущими визитерами барахло и внимательно уставился на высокого сероглазого мужчину.

– Мир вам, хозяин.– Ной поздоровался как крестьянин, надеясь что его никчемная маскировка сыграет хоть какую-то роль.

– Не утруждайтесь, юноша. Позвольте мне рассказать вам все самому. А вы пока присядьте вот тут, Зулейка принесет вам чаю. Чудесный чай недавно уродился в Квитании, рекомендую. – и старик засуетился за прилавком, а за ширмой зазвякали кружки и подносы. – Вы, как я вижу, не местный.

Ной и так понял, что его раскусили с первого хода, но позволил ростовщику продолжить игру.

– У вас руки в мозолях, и эти мозоли не от плуга или топора, как и шрамы на вашем лице. На шее я вижу следы от бое-

вого шлема, а выправка и взгляд выдает в вас не просто солдата, а скорее.... Рыцаря.— ростовщик склонил голову ожидая реакции гостя, и получив в ответ удивленное хмыканье, продолжил, — А так как всех бывших солдат в окрестностях я знаю, ведь надо же им на что-то пить, смею заключить, что вы все-таки приезжий. А так как все солдаты да прочий служивый люд в наших краях наперечет, — тут старик нежно погладил стопку записей у себя на столе.— То смею предположить, что вы из отряда, прибывшего к нам из столицы и несшего на щитах лик Солнца...

— Договаривай, старик. Я так явно похож на солдата инквизиции? — Ной был очень доволен интуицией старика и раздосадован одновременно- первый же житель городка распознал в нем волкодава. Хотя ростовщика вряд ли можно было назвать просто жителем.— Если ты боишься, то я наперед скажу- я не дезертир. И уж тем более, не отступник.

— Да я и сам, кхм... в некотором роде... служитель. Извольте показать знак? — любопытный взгляд старика бегал по шрамам на лице гостя, будто читая историю их обладателя. — Время нынче такое- кругом полно проходимцев.

Ной встал и закатал рукав рубахи. Старик внимательно изучил отметину в виде пылающего креста на плече гостя, и довольно хмыкнув, обнажил свое. Голова воющей собаки

на сухом пергаменте кожи ничуть не потеряла очертаний, даже несмотря на почтенный возраст. Такой знак со временем сходил сам, и наносился заново по надобности, а то, что он остался на морщинистом плече старика пожизненно-говорило о многом.

– Предвосхищая ваши вопросы, я тоже не отступник, и тоже не дезертир. Верховный Инквизитор даровал мне мирную жизнь. – старик, довольный эффектом, спрятал свое морщинистое плечо под рукавом из атласной ткани. – О чем и грамота имеется, извольте.

Старик полез в бесконечные ящики огромного стола и извлек на свет божий желтые трубки пергамента. Но инквизитор, разглядывая витеиватые закорючки официального документа, вдруг заговорил с недоверчивыми нотками в голосе:

– Но ведь на тебе клеймо королевской гончей, из этого ордена на пенсию не уходят. Либо в совет, либо в могилу. На мирную жизнь ушли единицы. Это Барт, Ирод, Валис и...

– Именно. Борео, именуемый иногда Лисом. Имею честь, – старик свернул развернутые на столе перед гостем старые грамоты и аккуратно упрятал в стол. – Вы, молодой человек, как я погляжу- любили засидеться в библиотеке допоздна?

– Я знаю историю орденов и младших корпусов книжников. Это обязательное знание для.. – тут он нахмурил брови, вспоминая свой погибший отряд, – Всех, кто был выше третьего яруса. Тебе ли это не знать?

– Многое изменилось за время, что я ушел из-под сени Великого Солнца. Официально я уже давно не член ордена. Но проверить твои знания не помешало – уж прости за недоверие. Тревожные нынче времена. Предвосхищая же цель твоего визита – и ненужные разговоры, скажу так. Если дело посильное – помогу. Увы, с деньгами нынче туговато.... – и он картинно всплеснул руками и потупил взор.

После непродолжительного чаепития Борео позволил служанке убрать приборы и откинулся в роскошном кресле, подводя итог.

– Значит, вы прищучили старую Хельму. Что ж.... Рано или поздно этого стоило ожидать. А вот Анну, дочку ее, упустили зря, скверный выходит расклад. Так что уж прости, друг из прошлого, но не завидую я тебе. Уж если что стержовина сказала – отвертеться будет сложно. Ты вот что.... С местными поаккуратнее, не стоит разгуливать по улицам вот так. Все уже про казнь знают, знают и о последствиях. Да и внешность твоя в глаза лезет... Крестьяне ее любили,

не приносила она зла. Так, пара рассказов об отравленных любовниках да приворотах, вот и все проступки. Да и то только на языке. Что дальше думаешь делать?

Ной задумчиво поскреб грязную щетину на щеке и заговорил, разглядывая мелкую сетку паутины в окне весьма просторной кухни в доме ростовщика:

– Кодекс велит мне доложить верховному инквизитору о случившемся и явиться ко двору. Письмо я уже отправил с местным священником, осталось второе. За сим и пришел – мне бы коня да оружие какое, припасов на дорогу, да и в путь. Ссудить денег в кредит или за будущую выгоду в этом городишке можешь только ты.

– Туго нынче с добрыми конями, да и оружие – хлам один.– старик закатил глаз в мученическом жесте. – Даром уж извини, орден меня уже не питает, сам кручусь.

– Говори. Что ты хочешь за припасы. И хотя за такие делишки мой покойный капитан вздернул бы тебя на первом же суку – я поступлю иначе. В память о твоей службе в рядах Ордена. У меня нет грамот, я не увенчан регалиями, а посему- отработаю сполна. – Ной выразительно глянул на ростовщика исподлобья, но старик будто бы не заметил этого.

– Есть одно дело как раз по твоим способностям. В нескольких днях пути стоит себе деревенька, Истрица. На хуторе неподалёку сбились в кучу местные отщепенцы да дезертиры. Среди них Ивар, по ихнему- Истрицкий Душител, – старик ухмыльнулся, потер сухие руки друг о друга в извечном жесте ростовщика, почуявшего выгоду и продолжил, – Не вникая в подробности моих дел, скажу- Ивар мне крупно насолил. И не только мне – угоняет со своей вольницей женщин и детей в рабство аж к Шамирским кочевникам на границе, жгут непокорные хутора, колобродят на тракте. Настолько заел уже всех, что я готов избавить этот грешный мир от его присутствия. Наместник все обещает разобраться, прислать дружинников, да что-то дела пока не видно. И тут ты, как знамение и шанс – ну а у волкодавов слава специфическая, думаю, не чета тебе голытьба с дубинами да вилами. Ну а с меня легенда для местных, кров да вино, а по исполнении работы – так и быть- ссужу на дорогу без тягот и провиант в отпишу в придачу.– старик подлил себе из вновь принесенного служанкой пузатого чайника и выжидательно поглядел на гостя.

– Так и решим. Ночлег бы сначала определить, а уже после проводник до деревни нужен. – Ной встал и коротким кивком дал понять, что условия сделки его устраивают.

– Ты не переживай, кров я тебе предоставлю, ужин да постель для уважаемых гостей всегда найдется. Ступай, как проспишься, в таверну на площади, к тамошнему конюху, Ситем кличут. Назовешься моим кумом, он поймет, что к чему. Даст тебе коня, уж не обессудь, какой есть, и пару железок – не с голыми руками же тебя посылать. А я же пока что тряпицу путевую тебе с карты нарисую, не промахнешься, аж до самого атаманова убежища. Мне как раз один из его банды денег был должен... вот под хмельком и разоткровенничался с кузнецом... Ну а кузнец, тоже был должен знамо кому...

Сухой угол с подстилкой из соломы стал пристанищем Ноя на эту ночь, и уговаривать долго не пришлось – он упал и отключился как был, в одежде.

Утром гость был приглашен хозяином в баню, истопленную по такому случаю. Зулейка, одна из прислужниц ростовщика, проводила его в комнату, наполненную паром и уложила в дубовую ванну, наполненную горячей водой. Без стеснения раздевшись, девка принялась массировать промерзшее на ветру тело солдата, отчего тот разомлел и даже вновь задремал прямо в ванной. Ловкие руки служанки вернули его тело к жизни, и к столу он спустился уже совершенно другим человеком.

Пока готовился к выезду, минул полдень, и уже к вечеру Ной отправился в таверну за лошадью. Получив от дюжего детины, стоявшего на входе ответ, что Сит сейчас находится в общей зале и выглядит как пьяный забулдыга в нелепой шапке зеленого цвета, Ной вошел в зал.

Таверна встретила его душным смрадом немых тел, смешанного с запахами дешевого вина и квашеной капусты. Большинство грубо сколоченных из не струганных досок столов было занято, и Ной отправился сквозь клубы дыма ядреного деревенского табака вдоль ряда скамеек, разглядывая пестрых гостей в поисках описанного вышибалой посетителя. За одним из столов сидела она. Сидела в платье кабацкой шляхи, еле скрывающей полную грудь и заляпанном вином и кровью завсегдатаев кабака. Вокруг нее образовалось пространство, свободное от пропивающего свои гроши ремесленного люда, к тому же было ясно, кого и зачем она ожидает, так что Ной без промедления направился к ней.

– Что, уже не хочешь меня убить, служивый? – девушка кокетливо прикусила язычок и потрясла грудью, отчего та вообще норовила вывалиться из свободных складок платья. – Смотри, если хочешь – комната стоит гроши, незабываемая ночь с звездой местного кабака заставит тебя позабыть все невзгоды. А то ведь такое количество убийств немного скоывает, верно?

– Ты – распутная девка с ликом ребенка, исчадие ада и оплот человеческих пороков. Жаль, что я не могу причинить тебе вреда простым оружием, но мы найдем на тебя управу. – волкодав подошел к столу и в пол-оборота продолжил разглядывать посетителей в душном чреве корчмы.

– Кто это – мы? Твой душка-император со своим цепными псами? Или Верховный-карга-Инквизитор? – девушка явно жаждала реванша за потерю самоконтроля при прошлой встрече.

– Мы – это те, кто борется со злом. Не мне решать это. Не буду врать – тебя ждет смерть. Ты лишь оттягиваешь неизбежное.

– Ну что же. Тогда я скажу, о чем решать мне. Любишь бороться со злом – будет тебе зло! – при этих словах в плечо Ноя ударилась пустая глиняная кружка и из зала послышалось пьяное «Эй, ты!». Инквизитор медленно встал, оглянулся и сурово зыркнул на хама, а когда обернулся к Анне – той и след простыл. В это время в зале наметилось шевеление. И он целиком переключился на происходящее за его спиной.

Из-за одного из столиков поднялся здоровенный лесоруб,

и, оглашая зал нецензурной бранью, двинулся к Ною. По дороге до инквизитора к нему присоединялись другие пьяные посетители, и к концу пути перед Ноем стояло с полдюжины разогретых хмелем и ожиданием расправы, мужчин. Ной вперил взгляд в переносицу метателя кружек и наскоро наметил пути отступления – убийство местных в пьяной драке не входило в его планы. По крайней мере – сегодня.

– Эй, служивый, это не ты с дружками случаем прирезали Хельму? – жесткий запах лука и гнилых зубов шибанул по ноздрям Ноя. – И теперь у нас из-за этого все наперекосяк? – здоровяк говорил с трудом ворочая языком, в нем было не меньше бочонка местного эля, а за его спиной переминались с ноги на ногу от нетерпения другие любители хмельных потасовок.

– Да, это из-за вас у нас в домах гибнут дети! Ведьма прокляла нас, они отказываются от еды и все время спят! – подключился второй пьянчуга в засаленном фартуке мясника поверх грязной рубахи. Инквизитор неторопливо начал движение вдоль одного из столов, отгораживаясь им от зачинщиков ссоры, не переставая взглядом встречаться по очереди с каждым из них, как бы игнорируя главного заводилу.

– И вы не нашли ничего лучше, чем пить в кабаке, надеяться что все само пройдет? – Ной уставился в стеклян-

ные глаза главного задиры, отчего тот слегка потерял боевой дух.— Сидите тут, пока ваши дети там умирают? И вы называете себя мужчинами? — шаг в сторону, и теперь между ним и толпой ещё несколько сучковатых скамеек, которые, несмотря на сутолку и тесноту таверны, вдруг оказались свободными от посетителей.

— Ну уж какие есть! — пьянчуга в фартуке не желал уступить инициативу, распаяя остальных, — Зато на удачу тебя встретили, вот глядишь подвесим тебя за ноги у кургана — ведьма и успокоится! — ответом на слова заводилы стало одобрительное гудение толпы.

— Хорошо. Раз уж вы узнали меня, то знаете, кто я есть. И каковы ваши шансы уйти от меня живыми после нападения. Ну а коль есть смельчаки, охочие до драки — любой желающий может выйти со мной на улицу и доказать, кто тут сильнее. Но массовое убийство в таверне не входит в мои планы. — еще шаг в сторону, и стальной взгляд вновь обвел стремительно теряющую боевой дух компанию.

Детина-лесоруб вдруг начал трезветь — его глаза на мгновение приобрели осмысленность, но еще более важно — в глубине зашевелилась искорка страха. Выходить один на один с опытным бойцом никто не хотел, а нападение толпой уже утратило свою первоначальную привлекательность. Презри-

тельно хмыкнув, Ной направился к выходу, у которого мелькала приметная зеленая шапка Сита. Как вдруг проходящая мимо официантка выхватила из-под подола узкий кинжал и бросилась на него. Рефлексы бойца точатся годами, и прити официантки захудалой таверны оказалось явно недостаточно для достижения цели. Через секунду рыцарь разглядывал кинжал, а девушка шипя тёрла запястье, злобно уставившись на него с грязного пола таверны.

– Ну а тебе-то я чем насолил, милая? – он засунул кинжал неудавшейся убийцы за голенище сапога и помог девушке встать. Ненависть в ее глазах горела настолько явственно, что Ной продолжал следить за каждым ее движением. Кто-то из толпы неудавшихся линчевателей заговорил:

– У нее младший брат умирает, проклятье коснулось его. Второй день не есть, бледный совсем и спать все время просится.

Ной взглянул в глаза девушке и как можно тверже сказал:

– Моя смерть уже ничего не решит. Но есть догадка, что проклятье уйдет вместе со мной. Так что дайте мне сделать что должно, и я не задержусь. А сделаю я все быстро, тут не сомневайтесь, – с этими словами он сгреб в охапку пьяного конюха и покинул таверну.

Глава 3 «Истрицкий душитель»

Лошадь действительно была в плачевном состоянии. Старая кляча тяжело выдохнула, когда наездник забрался в седло, но не пошатнулась, стояла ровно. Шкура была вся в проплешинах и коростах, а о копытах никто давно уже не вспоминал, подковы вообще были непозволительной роскошью. Зазубренный палаш, завернутый в грязное тряпье, что нашелся под сеном в каморке конюха, а так же перевязь с ножами – вот и все что ему было нужно. Следующим шагом был поход к кузнецу, который выправил оружие и согласился сменять трофейный кинжал на поношенные подковы да сносную упряжь. Приторочив к седлу скудную провизию, полученную у ростовщика, инквизитор направился к дороге, довольно толково начертанной на клочке чистой тряпки. Как только лошадь ступила с камня мостовой на землю проселочной дороги, он ощутил зов. Словно ветер дул в лицо, мешая ему двигаться вперед. Он попробовал ехать в разных направлениях и выяснил, что тяжелее всего двигаться на восток, в сторону моря. Ну да ладно, подумал он, в плавание пока никто не собирается, а судя по каракулям Борео, ехать нужно было на север. Погруженный в свои мысли, он не разглядел в грязи придорожной канавы труп священника из городской церкви, лежавшего на животе с аккуратной кинжальной раной под лопаткой.

Часы текли под размеренный шаг пожилой лошади, и путник занимал себя тем, что изредка сверялся с картой и слушал окружающий мир. Пара зайцев и дикая коза, что он спугнул с дороги – вот и все, что встретилось ему на пути к концу первого дня. Но тревожное чувство не покидало путника – лошадь ступала тихо, ведь на скорость старого скакуна надеяться было глупо, и ему показалось, что по дороге едет не он один. Пару раз инквизитор спешивался и уходил в лес, дабы пропустить вперед возможного попутчика, но никто не изъявил желание показываться из-за очередного поворота лесной дороги. И лишь местные обитатели оглашали лес своими привычными звуками – пели птицы, шныряли в траве ящерицы, отрывисто стучал дятел, выискивая себе еду. Но ощущение преследования все не проходило, и на ночевку он удалился подальше от дороги. Проследив, что лошадь может свободно добраться до сочной травы, он устроил лежанку под разлапистой елью. Кляча с шумным фырканием принялась уплетать предложенное лакомство, а Ной развел почти бездымный костерок в наскоро выкопанной ямке, и занялся приготовлением нехитрой пищи. Перекусив, инквизитор направился к ближайшему дереву по естественному зову природы, как вновь ощутил чье-то присутствие.

– И почему я не удивлен? – спросил он, не оборачиваясь к незваной гостье.

– Как грубо. Даже не поприветствовал гостью, не предложил присесть, не говоря уже о прочих манерах, – Анна подошла к потухшему костру и присела на старый пень, подбрав под себя ноги. На ней был кожаный камзол и штаны для верховой езды, однако лошади Ной не увидел. Волосы были сплетены в тугую косу, а на ногах красовались бархатные сапожки без намёка на дорожную пыль.

– Я солдат, девочка. Я не любезничаю с людьми, по мне скорее другое обращение. Позволь спросить, ты теперь всегда будешь появляться вот так, когда я оправляюсь или это просто импровизация? – он подвязал штаны и вернулся к костру. Маленькая ведьма с интересом разглядывала его, и воин отметил, что глаза у нее были изумрудно-зелеными.

– И снова фи. Я не собиралась подглядывать за тобой, пришла, когда захотела. Больно надо, – она вздернула курносый носик и отвернулась от него в сторону леса. Ной прикинул, стоит ли попытаться снова достать эту дьяволицу, но помятуя прошлый опыт, решил выбрать более удачный момент. Да и злить понапрасну этого демона в ангельском обличье совсем не хотелось.

– В следующий раз, будь добра, обозначай заранее свое присутствие. Например, подойдя ко мне ногами, чтобы я

слышал тебя. -он поудобнее устроился на своей подстилке из хвойных веток и отвернулся от дквушки.

– А то что? Отшлепаешь меня? – она игриво встала и направилась к лежанке рыцаря.

– Нет, успею натянуть штаны, чтобы не срамится перед... кто бы ты ни была. Будь добра, раз уж ты не собираешься прикончить меня – посторожи несколько часов. Мне сон не помешает, а тебе, я так понял, все равно, чем заниматься.

Она словно наткнулась на невидимую стену на полпути, плечики ее гневно передернулись, и он даже спиной почувствовал ее ярость.

– Я что, прислуга тебе, дворовая девка, что ли? Черствый чурбан! Да я сама волков к тебе приведу, чтобы разорвали тебя вместе с твоей клячей на тысячу кусочков! – лицо ее пылало, а глаза горели опасным огнем.

– Ну, давеча в таверне ты выглядела именно такой. Да и судя по виденному мной ранее, ты если бы хотела, давно бы мне подмешала того яду, которым травишь местных детей. В благодарность на отношение крестьян к твоей покойной мамочке. Спаси господь ее душу от мук адových.

– Они предали нас!! Рассказали где искать!! И это после того, как мы помогали их детям излечиться от болезней!! Я лишь забираю долги- грудь девушки ходила ходуном, а ярость маленькой ведьмы уже ощущалась физически.

– Милая, поверь мне – мы умеем спрашивать. – ведьма не видела кривую ухмылку на лице инквизитора, но издевка в его голосе достигала своей цели.– В этом ты сама бы убедилась, если вдруг пришла ко мне без своих магических игрушек. Крестьяне да лесорубы не причем. Так что если уж взялась играть со мной – не мучай других людей. Иначе завтра сигану в болото, будешь искать себе нового болванчика для игр.

С этими словами он поплотнее закутался в покрывало, давая понять, что разговор окончен и почти мгновенно провалился в сон без сновидений.

Утром инквизитор обнаружил, что все его снаряжение вываляно в грязи, а сам он будто спал в луже на дороге – маленькая месть маленькой девчонки. Ухмыльнувшись своим мыслям, Ной, как мог, просушился у костра и двинулся в путь.

Поход проходил без приключений, как и ночевка у старой заброшенной фермы. Ведьма появляться больше не желала,

чем не особо расстраивала путешественника. К исходу второго дня он подъехал к развилке на Истру, возле которой на дереве у дороги раскачивался полуразложившийся труп какого-то бедолаги. Ной срезал веревки, помолился, и, уложив труп в канаву, забросал ветками-увы, достойное погребение требовало времени- и он дал себе обещание сообщить обо всем церковника Бэйля. И вдруг вновь ощутил чье-то присутствие. Некто явно двигался за ним следом, не желая, чтобы он выяснил, кто же именно. По крайней мере – пока. Тогда волкодав решил пойти на хитрость. Затянув поводья лошади, Ной соскочил на придорожный камень, отправив своего скакуна шагать дальше по дроге, сам же затаился за деревом и принялся ждать. Спустя несколько долгих минут он вдруг услышал какую-то возню за поворотом дороги и изготовился к бою. Но встретить соперника лицом к лицу ему было не суждено.

Короткий вскрик, звон тетивы лука – и лишь звук копыт по дороге. Из-за деревьев показалась лошадь без всадника, которая сначала перешла на шаг, а потом и вовсе остановилась, не дойдя до укрытия Ноя пары дюжин шагов. Выждав некоторое время, вслушиваясь и вглядываясь в наступающие сумерки, инквизитор аккуратно двинулся вдоль дороги минуя животное, но не покидая покрова леса. Всадник нашелся через полста шагов от места, где он увидел коня – им оказалась девушка, кинувшаяся на него с кинжалом в та-

верне. Бледное лицо исказила гримаса ужаса, а руки намертво вцепились в охотничий лук, с помощью которого девушка, скорее всего, намеревалась отомстить за брата. Красивая шея была аккуратно перерезана от уха до уха, и Ной присвистнул, прикидывая, какого роста надо быть, чтобы так аккуратно перерезать горло всаднику, едущему верхом. Следов по близости вообще не наблюдалось – лишь четкие отпечатки копыт лошади незадачливой мстительницы. Быстро обшарив труп, он счел излишним задерживаться в месте, где обитают некие сущности, способные проделать такое. Вернувшись по дороге, он вскочил в седло чужой лошади и пустился в галоп догонять своего скакуна. Этот конь была явно в лучшей форме, чем его собственная кобылка, нужно было лишь сменить седло. Быстро проведя ревизию припасов, он привязал своего прежнего скакуна к седлу неожиданно обретенного, и они бодро двинулись дальше по дороге. Старая кляча без седока шла намного бодрее, и Ной перестал переживать, что ему придется бросить хоть и бесполезное теперь, но все же послужившее ему верой и правдой живое существо в столь странном месте.

Спустя час напряженной скачки путник дал отдых животным, и сам занялся поиском места для ночлега. Но спокойной ночевки не случилось, он даже не успел почувствовать присутствие врага. Незнакомец вышел из-за дерева, направив ему в грудь допотопный тяжелый арбалет, и судя по зву-

кам – еще двое надвигались из леса справа.

– Здравствуй, странник. У тебя есть десять секунд назваться и объяснит, что тыт шастаеш, прежде чем я парни утыкаю тебя стрелами. – говоривший имел страшный шрам от уха до подбородка, и говорил, постоянно коверкая слова.

– Я вольный наемник, звать Титом. Ищу Истрицкого душителя, хочу вступить в банду.– Ной медленно отстегнул перевязь с мечом и положил все это на траву. Что же, по-тихому не вышло, остается только проклинать себя за неосторожность. Бандиты хоть и были сбродом со слов Борео, но секреты в лесу вокруг логова все же оставили.

– И кто же тебе сказал, что ты найдешь его здесь? – говоривший обошел Ноя сбоку, не приближаясь, однако, слишком близко.– Да и на простого наемника ты не особо похож – скорее на сквайра или рыцаря. Что вдвойне странно, учитывая, как далеко мы от замка наместника.

– Это Истра, ведь так? Люди сказали, где искать, – пленник держал руки так, чтобы бандиты постоянно их видели, – наместник прогнал меня из дружины, вот я и подался к вам. Говорят, здесь нужны крепкие парни.

– Что есть, то есть. Ладно, посидишь до завтра в яме, там

решим, что с тобой делать, – арбалет бандита сместился с линии груди Ноя, и тот позволил себе выдохнуть. – Но смотри у меня – чуть забалуешь – и старина Крестус вмиг продырявит тебе брюхо.

Обезображенное шрамами лицо бандита с арбалетом расплылось в некоем подобии улыбки, и на голову гостя накинули грязный мешок.

Утром его вытащили из ямы, которую бандиты приспособили под тюрьму, и повели под ясные очи главаря. Ивар по кличке Душитель восседал на троне, накрытом шкурами и увенчанном несколькими человеческими черепами. Ни дать ни взять шамирский хан, отметил про себя Ной. У Ивара отсутствовал один глаз, а его место занимала повязка с грубо намалеванным на ней оком демона. Видимо, для устрашения противников. Пленнику не развязали руки и подвели к столу в центре комнаты.

– Итак, у нас тут добровольное пополнение, – голос главаря был сильным, словно он серьезно застудил горло, а единственный глаз выражал безразличие к окружающему миру. – Значит, сам пришел, просишься к нам? А ну как ты шпион наместника, да имеешь чего рассказать? Не отдать ли тебя для начала нашему заплечных дел мастеру, душегубу да насильнику, чтобы он познакомил тебя со щипцами да кале-

ным железом? Как сам считаешь?

Ной с хрустом расправил затекшие плечи и и хмуро взглянул на циклопа.

– Довольно стращать, давай по делу. Хочешь проверить – выходи против меня на кулаках- поглядим кто чего стоит. А то даже руки связали, уж не боишься ли ты меня? – Ной с силой потянул веревки, отчего путы на руках затрещали, но не поддались.

– Хех! Да этот парень мне нравится. Дерзкий, да по виду и дубиной орудовать умеет. Будь по-твоему, но драться с тобой буду конечно не я, а наш лучший кулачник, Данила. Не далее как после обеда за тобой пришлют, потешишь разбойничков, – и Ивар подмигнул Ною единственным голубым глазом.– А там уж как покажешь себя – стоишь ли ты того, чтобы ходить с нами по лесам плечом к плечу.

Ноя увели в яму, накормили тушеной капустой и велели ждать. К полудню показалось солнце, и словно камень упал с души пленника. Зов ведьмы не прекращался, но лучи светила давали сил и разгоняли тучи на душе. И на песчаную арену посреди брошенного села он вышел чистым от сомнений и ободренным молитвой солнцу.

Бой длился недолго. Здоровенный детина устрашающего вида был огромен, но неповоротлив, как беременная корова, и точный тычок в челюсть быстро отправил его отдыхать на песок. Разбойники разбрелись кто куда, разочарованные столь скоротечным весельем, а Ивар пожелал говорить с победителем. При этом он отослал охрану и велел развязать ему руки, на что Ной лишь порадовался удаче и глупости разбойничьего атамана. И хотя кривая сабля все время была под рукой, а единственный глаз внимательно следил за гостем – главарь Ивар по кличке Душителъ похоже не ждал от пленника ничего дурного.

– Итак, дружина наместника, говоришь? – главарь бандитов налил в деревянные кружки дешевого вина из кувшина и подал один гостю. – Видел я тех парней, даже драться приходилось. Ну так вот – ты двигаешься по-другому, твой взгляд выдает твою сущность. А еще парни слышали, как ты молился. Что скажешь? – рука говорившего как-бы невзначай поглаживала эфес сабли.

– Мне нечего сказать, кроме того что уже сказано. – Ной дождался, когда единственный зрячий глаз атамана окажется скрыт кружкой с вином и аккуратно нащупал в отвороте сапога кусок ржавой железной скобы, найденный на полу арены. – Берешь в банду или я зря притащился в ваши дебри?

– На том пока и порешим, понаблюдаю за тобой, но раз ты пришел- то скажу, что мне нужны парни вроде тебя. Сам видишь, с каким сбродом приходится ходить в набеги. Подозреваю, что с саблей ты обращаешься намного лучше, чем с кулаками, а ты и тут играючи Данилу отправил отдыхать на солнышке. Сдается мне, что голов ты срубил больше, чем в этой деревне картошки. Недавно в провинцию заявили инквизиторы, так мы вообще носа не кажем, но удача есть – не про нас была та песня. Говорят, они свою ведьму отыскали, и сгинули восвояси. Скоро и нам будет, где развернуться. Есть тут у меня одна деревенька на примете. Будешь тут в почете и сытости, как сыр в масле, держись меня- вмиг карманы набьешь! – главарь бандитов так увлекся, яростно вращая своим глазом и рассказывая, как все будет у них отлично, что приблизился на достаточное расстояние.

Ной аккуратно метнул зазубренную железяку прямо в выпученный глаз. Главарь бандитов взвыл от боли и досады, и ничего не видя, ринулся по направлению к двери. Ловко уложив его на землю подножкой, Ной ударом ноги по черепу отправил бандита в страну грез, затем быстро запер внутреннюю дверь, и водрузил главаря на трон. Кровь хлестала из остатков глаза, но это мало беспокоило инквизитора. Услышав гулкие удары в дверь и ругань бандитов, спешивших на помощь своему командиру, Ной взвел арбалет, висевший на стене, и уселся рядом с атаманом разбойников

так, чтобы железный болт был направлен в шею Ивара.

Когда головорезы ворвались в комнату, им предстала следующая картина. Их главарь, весь в крови, сидел на своем троне с приставленным к горлу арбалетом, а давешний пленник попивал вино, держа руку на спусковой скобе.

– Ну что, касатики, допрыгались. Подавайте мне сюда следующего по старшинству, говорить будем. Если, конечно, жизнь вашего атамана для вас хоть что-нибудь значит. Если нет, то будем беседовать прямо сейчас. – для наглядности Ной вытащил из-за пояса атамана кривую шамирскую саблю и демонстративно положил её на стол перед собой.

Бандиты пошушукались, и один из них бегом сбежал по лестнице вниз. Спустя несколько минут на лестнице вновь послышались шаги и вместе с убежавшим бандитом в комнату вошел низкорослый сухой старик, при доспехах и оружии. Злобные глазки выдавали в нем беспощадного командира, а осанка – бывшего военного. А доспехи хоть и были старыми и искромсанными временем да дешевой сталью, но совершенно не производили впечатление декорации. Он молча оглядел всю комнату, задержавшись взглядом на зияющей глазнице Ивара, и жестом велел всем остальным удалиться, оставив при себе двоих с длинными подобиями алебард, явно не желая повторить ошибки своего атамана.

– Слушаю тебя, пришлый. Ты весь этот спектакль затеял неспроста, так что выкладывай, я весь внимание. – голос у пожилого вояки был не под стать внешности – вкрадчивый и спокойный, даже успокаивающий. Крючковатый нос и смуглая кожа делали его похожим на крупного грызуна в железном панцире.

– Сначала скажи мне, любезный, ты знаешь, что это за знак? – с этими словами инквизитор положил арбалет на стол и закатал рукав. глаза старика расширились, но внешне он больше никак виду не подал, – Вижу, знаешь. Говори.

– Этот знак означает, что мы сейчас ходим по опасному краю, – старик убрал руки с эфеса своей сабли и сделал шаг к столу, – Ты без отряда, один, и довольно безрассудно устроил тут весь этот балаган. Однако судя по знаку – ты в одиночку стоишь всех местных горе-рубак помноженных на три. И раз мы сейчас разговариваем, а ты не пытаешься меня убить – у тебя есть предложение, так?

Инквизитор смерил собеседника оценивающим взглядом и довольно хмыкнул.

– Ты не глуп, не в пример твоему атаману. И, глядя на тебя, подозреваю, головой в банде был вовсе не он. Мое пред-

ложение такое. Я уезжаю восвояси, и увожу с собой голову вашего Ивара. До вас мне дела нет, хотя не скрою – прорядить местную грядку не мешало бы. Увы – ни сил, ни времени гоняться за вами по окрестным лесам у меня нет. Банда выберет себе нового атамана. – с этими словами инквизитор указал саблей на старого бандита. – Хотя, скорее всего, ты и так знаешь, кто тут всем заправляет. Как на твой взгляд, честное предложение?

– Но ведь ты инквизитор, к тому же – каратель. Ты пришлешь сюда своих ищеек, и они довершат начатое, – старый разбойник прищурил глаз, наматывая жидкую бородку на указательный палец. – Отпускать тебя опасно. С другой стороны, я видел таких, как ты, в бою. И я не так глуп, чтобы думать, что мои соколики одолеют тебя, не спалив при этом половину хутора и не лишившись дюжины голов.

– И здесь угадал – нынче я пришел не по ваши души, но мой долг положить этому конец. Сюда прибудет карательный отряд, рано или поздно. Но скорее всего это будут не братья Ордена, а вашего полета птицы – после моей указки наместнику придется пошевелить задом и отправить сюда свою дружину. Поэтому мой вам совет, забиться в такую глубокую нору, какая только бывает в вашем захолустье, а еще лучше – вернуться туда, откуда вы пришли к этой жизни. Тогда есть шанс, что ищейки вас не выследят и не повесят

сушиться на солнышке, как вы повесили того бедолагу у дороги.

– Я услышал тебя, инквизитор. Даю слово – мешать не будем. Когда собираешься ехать? – серые бусинки глаз буровили переносицу собеседника – но угрозы в них не было.

– Да прямо сейчас и отправлюсь, гостить не намерен, – с этими словами Ной взял саблю со стола и резким ударом отсек бывшему атаману голову, – Верните мне моего коня и сумки, затем поступайте, как знаете.

Глава 4 «Амулет Анны»

Ведьма закончила ковырять пальчиком засохшую кровь на мешке с головой Ивара-душителя, привязанную к седлу, и повернулась к инквизитору. Тот сидел у костра, вытянув затекшие ноги к спасительному теплу.

– Ты оказал двойную услугу местным крестьянам. Благодаря тебе их дети больше не умирают, а так же они могут забыть про очередного душегуба и насильника. По крайней мере, пока не выползет следующий. Хотя, если учесть, то и заварил кашу тоже ты. Ты, и твой орден пафосного рассвета.– Анна кошачьей походкой приблизилась к походному костру Ноя и примостилась на краешке поваленного грозой дерева, – Такими темпами ты скоро станешь местным героем. Осталось только спасти принцессу и зарубить дракона. Ивар на дракона не тянет, уж извини.

– Я вот одного не пойму, почему ты меня выбрала для своих игр, – Ной пошевелил угли в костре сухой сучковатой веткой и поудобнее улегся на еловом лапнике, выполнявшем роль походной кровати.– Нас в отряде было полторы дюжины, чем я отличаюсь от остальных? Чем заслужил почетную возможность лицедреть тебя без возможности избавиться?

Анна от услышанного слегка утратила игривый настрой и посерьезнела.

– А тебе уж прям так и не нравится то, что ты видишь? – она поправила складки плаща у себя на плече и явно смутилась, – Когда твои друзья корчились в предсмертных муках, ты так мило спал, меня поразило контраст твоей внешности и сущности – беспощадный убийца с лицом придворного поэта и телом солдата. Я и подумала, что неплохо было бы заполучить личного рыцаря, раз уж имею право.

– Имеешь право? – мужчина выудил из костра запеченную картофелину и принялся ее уплетать вместе с золой, обжигаясь и чертыхаясь. – Ты воистину исчадие ада. Положить глаз на инквизитора, да еще, по твоим словам, убийцу твоей матери – это ли не поведение демона? К тому же ты совсем ребенок, истребивший по дьявольской прихоти целый отряд инквизиции с помощью черной магии, и уже поэтому должна быть сожжена на костре.

– Ребенок?! Да все окрестные мужчины готовы отдать жизнь, за возможность разделить со мной ложе!! Посмотри сам, – и она резко встала, быстрым движением руки скинув какие-то застежки, в момент представ перед ним совершенно обнаженной. Да, она была действительно вполне взрослой, ее формам позавидовала бы любая столичная

фрейлина. Сложением она напоминала ангела, спустившегося с небес чтобы напомнить людям о их грехах, а черные как смоль, волосы, давали сногсшибательный эффект в сочетании с зелеными глазами, – Ну что, салдафон, видел ли ты когда-нибудь женщину красивее?

На что Ной ответил лишь холодной ухмылкой, едва удостоив прелести ведьмы мимолетным взглядом.

– Для меня самая грязная портовая шлюха предпочтительнее тебя. Все мое естество противится тому, что тело вообще способно реагировать на твой внешний вид, поддаваясь зову природы. И то, что ты надеешься сбить меня с пути веры и посягнуть на жизнь императора, используя свои уловки – полная ерунда. Я скорее убью себя, чем позволю случиться подобному. И не сделал это до сих пор только потому, что надеюсь найти способ избавить мир от столь гнусного проявления скверны. Ведь пока ты рядом – это, скорее всего, будет проще сделать, чем искать тебя с факелами по всей империи, как твою мамашу.

Анна с каменным лицом выслушала его тираду. Не утруждая его ответом, молча подняла свою одежду, и как была, нагая, ушла в лес.

Ну что ж... В этот раз не вышло. Поглядим, что выкинет

завтра, – Подумал Ной и улегся спать под шум небольшой лесной речки, у которой он разбил стоянку.

– Значит, псы почуяли в своей стае волка и решили пожертвовать вожаком? Интересный поворот, – Борео не торопясь осмотрел трофей, и, довольно хмыкнув, подвел итог сделке. – Так или иначе, твоя часть договора выполнена. Теперь дело за мной. Я, как и обещал, нашел тебе достойного скакуна, и собрал в дорогу припасы. Однако, как погляжу, ты уже и так обзавелся всем необходимым. У тебя есть лошадь, которая хоть и не выигрывает Ферлондских скачек, но все же способна довезти тебя до столицы, не испустив при этом дух. Что же, раз так, я готов ссудить денег на путевые расходы, плюс ко всему, у меня для тебя есть сюрприз. С твоих слов я прикинул, где была стоянка вашего отряда. И теперь ты можешь вернуть долг клинку.

С этими словами Борео откинул занавеску, и Ной увидел стойку для оружия. В ней стояли ровные ряды мечей, и мечей тех было восемнадцать. Рукояти, все как одна, венчались круглым навершием в форме диска солнца, а на синеватой стали виднелись витиеватые руны. На хмурый взгляд инквизитора ростовщик поспешил сообщить:

– Все братья подобающе преданы огню, прах я за свой счет доставлю в столицу, а на месте гибели мои слуги возве-

ли курган. Клинки же я прошу тебя взять с собой, дабы они заняли свое место в ложе павших героев, рядом с именами хозяев. Найти их было нелегко, но ведь негоже такому оружию сгинуть в трясине, верно?

– А ты действительно лис еще тот, старый прохвост, все просчитал и остался с приварком, – Ной не спеша прошелся вдоль ряда клинков, и, легко отыскав среди них свой, внимательно осмотрел его. Затем он рассек воздух резким выпадом, отступив на шаг назад. Благородная сталь издала знакомый сердцу звук, и он довольно хмыкнул, одобрительно покосившись на ростовщика. – Экипировка каждого стояла по кварте золотом, и это минимум. Выходит, что с одной стороны – мародер, достойный казни. А с другой – ты избавился от главаря бандитов, вышел благородным малым и неслабо наварился. И рубить тебе колени уже как-то не с руки. Воистину, твое прозвище говорит за себя.

– При этом, я обеспечил исполнение воли Императора, помогая его верному слуге в исполнении его долга. Все верно, – Борео учтиво кивал в такт каждому слову человека с грозным оружием в руке, и на его лице отражалось истинное раболепие. Невинный младенец – и тот выглядел бы подозрительнее.

– По всему выходит, что ты мне помог. Не бескорыстно

конечно, но избавление этой провинции от всякого сброда – дело благородное и нужное. А вот скажи мне, благородный ты человек, как был убит священник, что был светочем местной паствы, – Ной уселся в кресло хозяина, положив клинок поперек стола так, чтобы острие смотрело на ростовщика.

– Я гляжу, ты наведался в церковь. Похоже, бандиты или ворье постаралось. Нашли его на второй день как ты уехал, в канаве, недалеко от города. Крестьяне чуть было опять сдуру не начали слухи распускать, мол, не угодил наш пастырь волкодавам, вот его и разжаловали без суда и следствия. Но тут я их образумил – пояснил, что если что было бы не так- гореть убогому на костре, все как полагается. Не ваш это почерк, кинжалом да в канаву....

– Мною было отправлено письмо, как раз через этого бедолагу. Есть ли свидетели, было ли отправлено оно, проводили ли обыск в келье монаха?

– Ничего необычного ни при нем, ни в коморке его, не нашли. Он мне был немножко должен, вот меня первым и позвали, имущество осмотреть.– потупившийся взгляд первого в мире добродушного ростовщика в другой ситуации мог бы дать фору любому комедианту.

– Ясно. В общем, по-моему, спросу с тебя хоть и нет те-

перь, а сменную лошадь мне предоставь – ехать буду быстро. Твои расходы отойдут сторицей – еще и постоянный двор построишь в деревне на вырученное. Топи баню, Лис, да служанку свою зови, уж больно руки у нее ловкие. Завтра с утра и отправляюсь в столицу.

Утром Ноя приветствовал обычный для этих краев промозглый туман, и он чуть ли не на ощупь выехал на дорогу. Зов сразу стал мягче, его даже словно подталкивало что-то, ведь всадник двигался в нужную сторону. Предстоял недельный переход до города Грумхельм, а там уже имелось крупное звено Святой Инквизиции, где можно было сдать оружие павших, и уже налегке отправиться в столицу. На тракте не было ни души, и неспешный топот копыт пары лошадей тут же словно впитывали клубы холодного тумана.

К полудню солнце уже пыталось пробить густую пелену, но она была настолько плотной, что прогалины встречались только на возвышенностях. Лишь к вечеру плотная стена тумана отпустила путника, тракт оставил позади болотистые места. Редкие повозки, встреченные им за день, частенько имели при себе охрану, но беспокоить одинокого путника никому было неинтересно. Провожаемый осторожными взглядами, он миновал приличное расстояние и к вечеру был весьма доволен результатом путешествия- лошади шли бодро и зов не мешал движению. Устроившись на ночлег на ле-

систом холме, Ной стал ожидать визита Анны, но она так и не появилась. Видимо, ребенок и женщина преобладали в ней над ведьмой, и ее можно было обидеть просто грубыми словами.

Ведьмина дочь пришла на третий день пути. Туманные ночи остались позади, и путь лежал через бескрайние поля Ромирии. Девушка вышла из придорожных кустов и подошла к костру. Ной как раз заканчивал ухаживать за лошадьми и собирался поужинать нехитрой провизией. На ней был походный камзол и высокие кожаные сапоги для верховой езды, волосы были связаны в тугий пучок на затылке, а в черных смоляных прядях красовалось фазанье перо.

– Здравствуй, мой грубый рыцарь, – она сделала насмешливый поклон и села возле костра, подобрав под себя ноги, – Я смотрю, вернул себе свои инквизиторские цацки, не боишься, что местные признают да прибьют тихонько ночью?

– Любой честный гражданин, при виде этого оружия, склонит голову и предложит свои услуги во имя Церкви. Сама-то не боишься пораниться? Книжники делали этот меч как раз для таких, как ты. С твоей мамашей он прекрасно справился.– Ной принялся с аппетитом уплетать печеный картофель, запивая его травами, заваренными в кипятке.– А что до тех, кто захочет поговорить со мной под покровом

ночи – так милости просим. Всегда открыт для дружеской беседы.

– Я уже раскусила тебя. Ты грубишь и оскорбляешь меня лишь для того, чтобы я потеряла над собой контроль. Тебя ведь неплохо натаскали, волкодав. Ты знаешь, что без концентрации я становлюсь обычным человеком, которого можно так же просто убить, – изумрудные глаза Анны испытующе уставились на собеседника. Тот и ухом не повел, продолжая поглощать свой нехитрый ужин, – Что до твоей железки, то ты можешь не переживать – она против меня так же бесполезна, как и все остальное. Можешь не утруждаться.

– И все же я бы попробовал, – уловив её взгляд в сторону шума в кустах, Ной моментально оказался на ногах, и, выхватив меч, ринулся к ней. За долю секунды до этого послышалось пение тетивы лука, и инквизитор поблагодарил бога, что начал движение чуть раньше – стрела ударила в ствол дерева, под которым он сидел.

Ведьма вскрикнула, но не потому, что испугалась неожиданного натиска, а оттого что из кустов в нее тоже полетели стрелы. Что-то сверкнуло, и в густых зарослях раздался приглушенный крик и ругательства. Медлить было нельзя – мысль пришла в голову Ноя мгновенно. Все внимание ведьмы было сконцентрировано на нападавших, и ей

некогда было следить за действиями инквизитора. Он аккуратно подступил сзади, и обхватив свободной рукой кисть Анны, втиснул клинок между шнурками ожерелья на запястье, и как следует нажал. Последнее, что он увидел, были злобные глаза девушки, метнувшие в него убийственный, но не смертельный взгляд. Она испарилась, оставив его стоять возле костра в нелепой позе, но с ожерельем в руках. Что же, не убить – так ослабить – вещь явно была непростой. Заприметить такую несложно, особенно если ты – охотник на колдунов, не прогуливавший лектории книжников Ордена.

Тем временем, нападавшие пришли в себя и вновь принялись выпускать по нему стрелы. Одна из них попала в круп лошади, грузенной оружием, и та пронзительно заржала, проклиная на своем языке людей, причинивших ей такую сильную боль. Противников было как минимум двое, а так как бежать было возможным только навстречу – позади простиралось бескрайнее поле – Ной принял решение идти напролом. Лучники неплохо спланировали атаку, но ошиблись с дистанцией. Отступи он назад – и тут же станет прекрасной мишенью на открытой местности. Но вокруг были спасительные мелкие деревца, мешавшие верному прицелу. Виляя, словно заяц, он ухватил поводья уцелевшей лошади и встал на одно стремя, зажав вожжи свободной рукой. Получился живой щит, способный доставить его поближе к вра-

гу, а там поглядим, кто кого. Лошадь рванула, и ему потребовалось несколько мгновений, чтобы направить ее в нужную сторону. Меч на поясе больно хлестал по ногам, но ничего поделать было нельзя – вынужденная акробатика была чистым экспромтом. Когда Ной пересек половину расстояния до кустов, откуда по нему стреляли в первый раз, одна из стрел настигла скакуна. Пронзительно заржав, конь встал на дыбы, и тут же его пронзил второй удачный выстрел.

Подняв кучу пыли, конь завалился набок, яростно перебирая ногами в судорогах. Едва увернувшись от копыт, Ной ринулся к укрытию врага, уже отмечая про себя, что обе стрелы, доставшиеся лошади, прилетели не отсюда, а значит его замысел разгадан и стрелок уже покинул позицию, избегая с ним встречи в рукопашной. Зарычав от бессильной ярости, Ной вломился в чащу, размахивая мечом и прорубая себе путь среди колючего кустарника. Огонь, кипевший в крови, не сразу дал понять, что происходит. Но вдруг он отметил, что легко перерубает даже довольно толстые деревья, а его бегу позавидовал бы и дикий кабан – ноги словно налились мощью толкая его вперед и работают как натянутые на арбалете жилы. Ну а тепло, исходившее из мешочка на поясе, куда он положил ведьмин браслет, разъяснило картину до конца. И он, не предаваясь лишним размышлениям, покинул поле боя, используя вновь открывшиеся возможности. Развив приличную скорость, он двинулся к трак-

ту, на бегу огибая камни и коряги. Не то чтобы Ной боялся встречи с таинственными убийцами, ему скорее претило встретиться с разъяренной ведьмой, у которой он умыкнул столь полезный элемент гардероба.

Спустя примерно час безостановочного спринта Ной решил сделать передышку возле ручейка, змеившегося вдоль дороги. Но усталости он не чувствовал – организм пел от того, что он движется в направлении зова, ко всему прочему – ведьмин амулет явно добавлял сил. Умыв лицо, он решил воспользоваться чудными свойствами этой побрякушки, чтобы быстрее добраться до Грумхельма, несмотря на то, что всерьез опасался пользоваться столь опасным предметом. Черная магия никогда не давала ничего просто так, лишь займы, и, как обычно выяснялось много позже – по тройной цене. Инквизитор так же заметил, что дьявольская игрушка притупляла чувство голода и жажды, но все равно впрок напился из холодного ручья.

Ноги несли его по дороге, и он все больше давался диву своим новым качествам. Чувствовалось, что так можно бежать очень долго, дни, а может даже и недели, питаясь только чтобы не умереть и покрывая за сутки огромные расстояния. Он все бежал и бежал, не ложась спать и не останавливаясь, чтобы восстановить силы, и к исходу второго дня уже достиг пригорода Грумхельма. Одежда его была покрыта слоем пы-

ли, а сапоги явно нуждались в ремонте, уже спустя несколько часов безостановочного бега Ной просто снял их и повесил на плечо. Несколько раз он сходил с дороги, избегая встреч с крестьянскими повозками, дабы не будоражить умы местных жителей своим видом.

Оплот инквизиции в Грумхельме являл собой весьма укрепленное здание с узкими бойницами и каменными башенками охраны. Направляясь к нему, Ной привлек внимание городского патруля, командир которого заприметил в толпе босого, покрытого с головы до ног дорожной пылью молодого мужчину, который шагал по улице широкими шагами, не обращая внимания на грязь улиц и разбегающихся из-под ног дворовых собак. На боку незнакомца висел весьма приметный клинок, и капитан городской стражи устремился наперерез оживленному уличному движению. Предвкушение солидной награды, которую ему отвалят за поимку этого голодранца, посмевшего украсть столь почтенное оружие, резко подняло настроение скучающего командира. Трое солдат в ржавых кирасах и с алебардами на плечах последовали за командиром.

– Эй, почтенный путник! – окрик усатого капитана не возымел действия, и тот ускорил шаг, чтобы оказаться на пути Ноя.– Не соблаговолите сообщить доблестной страже города Грумхельма цель своего визита в наш прекрасный

город, а так же посетить уютнейшую камеру, в которую вас проводят наши brave парни.

С этими словами стражники перегородили дорогу инквизитору, положив руки на рукояти длинных кинжалов, висевших у каждого на поясе. Brave парни скучающими взглядами изучали странника с головы до пят с нескрываемым высокомерием.

– Не смею задерживать в столь ранний час почтенных стражников.– Ной выполнил шуточный полупоклон в сторону солдата с капитанскими знаками отличия, щеголявшего черными усами, которые хищно торчали в стороны и смешно шевелились при разговоре.– Дела мои не стоят вашего внимания, а я, так уж случилось, очень спешу в оплот Святой Инквизиции по весьма важному поводу. Поэтому буду премного благодарен, если достопочтенные стражники города Грумхельм любезно проводят меня к воротам сей обители добра и справедливости.

Тон и настрой незнакомца явно предполагал издевку, но манера говорить и вежливый ответ на слова капитана явно смутили стражников. К тому же, он наконец разглядел оружие на боку у подозрительного странника. И потому обладатель роскошных усов сразу сообразил, что имеет дело не с простым воришкой, а столь желанная награда уплыва-

ет из его рук. Когда же незнакомец поднял глаза и посмотрел на него в упор, усатый капитан потерял всякий интерес к путнику и скомкано попрощавшись, сделал вид, что у его патруля есть другое важное, и к тому же очень срочное, дело.

У ворот оплота стояли двое в серых камзолах и вынутыми из ножен кривыми саблями. Ной поспешно подошел к братьям ордена Стражей, и, не говоря ни слова, показал клеймо на плече. Дюжие воины сразу утратили к нему интерес и позволили пройти во двор. Во дворе фехтовали на учебных мечях еще несколько послушников, и, минуя очаги схватки, путник приблизился к дверям здания. Прием у смотрителя твердыни был весьма коротким. Лишь войдя в холл, он был взят под стражу и сопровожден в темную подвальную камеру. Протестовать и требовать объяснений было довольно глупо, и Ной это знал. Поэтому он просто развалился на куче гнилой соломы, выполнявшей здесь роль кровати, принялся ждать.

Но ждать долго не пришлось, по прикидкам пленника прошел где-то час, и в его камеру вошел сморщенный старик в алой мантии и крестом смотрителя на груди. Несмотря на возраст, глаза служителя церкви горели безумным огнем фанатичного юноши, но никак не уставшим от жизни и сгорбленным под гнетом лет старца. Остановив жестом пытавшегося встать узника, смотритель приблизился и прого-

ворил мягким, но в то же время очень властным, голосом:

– Прошу прощения за столь негостеприимный прием, дитя. Но настали смутные времена, которые требуют от нас терпимости и стойкости. Клеймо на твоём плече говорит, что ты причастен. Прошу, сообщи же скорее отцу Кадию, какими дорогами судьба привела столь почтенного раба божиего в нашу скромную обитель. – старец устало улыбнулся и жестом пригласил пленника к беседе.

– Прошу покровительства у Ордена, отец, – с этими словами Ной преклонил колено и поцеловал край мантии смотрителя. – Я имею честь быть частью Ордена Волкодава при дворе нашего повелителя. Мой приход должно было предупредить письмо, однако возможно, оно сгнуло в пути. Имя же мое – Ной, рода Цейнграндеров.

– Хм... – смотритель явно был в замешательстве от услышанного. – Да будет тебе известно, дитя, что означенный Ной входил в отряд, посланный на казнь могущественной ведьмы, и сгнувшийся без следа вместе с лошадьми и снаряжением в болотах Бэйля. Таковы официальные хроники, и имена тех благословенных воинов уже в день полной луны займут свое место в галерее павших. Ты продолжаешь утверждать, что ты и есть тот самый волкодав, что был в рядах карателей? Чего же ты хочешь, и как случилось так, что ты

здесь, а остальной отряд исчез?

– Отец, все что я хочу – это прибыть ко двору и быть очищенным от подозрений, а так же сообщить нашему главе о приключившихся напастях. Случившееся может иметь сложные последствия, которые далеки от моего понимания, и решать об этом я доверю только Верховным.

– Твои желания понятны, и не мне противиться им. Такие решения принимать не нам, как и чаять последствия. Мы проверим твои слова, после чего доставим тебя ко двору. – с этими словами смотритель развернулся и подошел к двери камеры. Щелкнул засов.

– Об одном прошу, отец, поторопи своих гонцов. Время может иметь вес золота, но в этом случае оно во сто крат дороже. Особое внимание нужно уделить амулету, который у меня изъяли при обыске – хозяйка амулета весьма сильная ведьма, и она жаждет вернуть себе эту вещь. Поэтому нельзя терять бдительности.

Смотритель кивнул, и покинул камеру. Оставшись наедине с крысами, сыростью и своими мрачными мыслями, Ной наконец прочувствовал усталость – она навалилась на него после разрыва с магическим предметом, и тело настойчиво требовало сна. И инквизитор забылся тревожным, полным

кошмаров, беспамятством.

Глава 5 «Псы пустыни»

Он был разбужен топотом стражников и завыванием боевых рожков – в маленькой крепости явно что-то происходило. Резкие выкрики команд, доносившихся через зарешеченное окошко под потолком, говорили о том, что гарнизон переведен в состояние полной боевой готовности. Когда суматоха утихла, в двери послышался поворот ключа, и в камеру вошел стражник. Он сообщил, что смотритель желает говорить с пленником немедленно, и инквизитор последовал по узким коридорам и скрипучим лестницам в приемную старца. Святой отец сидел за рабочим столом, и вид у него был встревоженный. Не тратя времени на любезности, он сообщил, что сегодня ночью была предпринята попытка проникновения в хранилище оплота, где среди прочих вещей находился и амулет, принесенный Ноем с собой. Так как были предприняты повышенные меры безопасности, попытка не увенчалась успехом, но лазутчики ускользнули, убив несколько стражников. На столе смотрителя лежала стрела со знакомым оперением, и Ной отметил, что преследователи ему достались настойчивые – напасть на оплот было шагом отчаянным, но и оттого неожиданным.

– Из всего произошедшего делаю вывод, что дальше находиться в сей обители тебе, сын мой, небезопасно. Мы рас-

полагаем скромными силами, да и среди нас в основном послушники. Грумхельм- место до сей поры спокойное и противостоять подобным набегам с риском для людей мне претит совесть. Посему – ты немедленно отправляешься ко двору, в защиту же тебе даю шестерых латников и печать, с коей каждый добрый житель империи будет оказывать тебе любое содействие. Печать разрушится через семнадцать дней, но я не думаю, что тебе понадобится больше недели, чтобы добраться до цели.

– Благодарю, отец, – желание зрителя поскорее снять с себя ответственность за происходящее играло только на руку, и Ной поблагодарил солнце за то, что оно послало ему навстречу столь осмотрительных и рачительных служителей церкви, – Но смею заметить, что латники меня только замедлят, а в моем случае есть одно спасение – скорость. Прошу лишь выдать мне самого быстрого коня, ведь пользоваться силами, заключенными в амулете, и, вне всякого сомнения, чуждыми природе человека, мне бы не хотелось.

– Твое желание понятно, но отпускать тебя совсем без охраны я не имею права. В городе сейчас находится почтенный Рем, служитель ордена Королевской гончей. Я буду просить его оказать нам честь и сопроводить тебя ко двору. Ведь никто не славится своей скоростью и смертоносностью, как братья этого ордена, – сказал священник и взялся за перо

и бумагу. – Тебя проводят в бани и накормят, после чего будь готов в любой момент выдвинуться в путь.

Ной склонил голову в поклоне, после чего покинул апартаменты зрителя. Дворовый служка помог ему исполнить все наставления святого отца, и уже через два часа он седлал коня у ворот оплота. По дороге послышался стук копыт, и во двор влетел прекрасный конь, черный как смоль, длинноногий и благородный в своей великолепии – такого коня не встретить на базарной площади. Мышцы переливались под лоснящейся кожей, а на коне, в седле, явно сделанном на заказ, восседал всадник в капюшоне, и накинутой на лице пылевой маске. Все снаряжение имело вид очень дорогой и штучной работы, и каждая складка на кожаном доспехе служила своей цели бесшумно и не мешая движениям владельца. Всадник бодро соскочил с коня и скинул повязку с лица. Под серой тряпкой оказалось худощавое лицо человека, который мало времени находится на одном месте – круги под глазами указывали на недостаток сна, а заостренные черты – о нечастой и скудной еде.

– Приветствую тебя, волкодав, – сухой голос всадника был блеклым и незапоминающимся. – Я явился по зову зрителя, он просит помочь тебе в непростом и опасном пути. Моё имя Рем, и королевская гончая – мой путеводный огонь. Мы поедем быстро, и у меня есть кое-что для тебя, – с этими

словами он протянул тугой мешок с вещами.— Смени одежду, мы отправляемся немедленно. Мешочек с амулетом получишь на самом пороге.

Из ворот обители выехало два наездника. Не мешкая, их кони рванули по улицам города, распугивая дворовых собак и котов и заставляя одиноких путников прижиматься к стенам домов. Рассвет только начал брезжить над крестами церкви, мимо которой вихрем пронеслись кони всадников в черных плащах и масках. Путь лежал в столицу Империи, город Кавир, чьи неприступные стены из белого камня никогда не покорялись ничьей воле, кроме воли Императора.

На первом привале Ной вслух отметил, что черный конь Рема разительно отличался от его собственного – для него будто не было этих изнурительных часов скачки сквозь сырой воздух бескрайних полей. Наскоро перекусив и дав отдых уставшему коню Ноя, они тронулись в путь, резонно рассудив, что им стоит обменяться скакунами – инквизитор был явно тяжелее гончей, этот орден ставил во главу угла скорость и стремительность, и в его ряды не попадали рослые или упитанные люди. Конь Рема яростно водил глазами и фыркал, учуяв незнакомого седока на своей спине, но после того как хозяин подошел и погладил его ладонью по гриве и прошептал что-то на ухо, успокоился и смиренно принял свою судьбу.

На ночлег расположились на отдалении от дороги, в живописной ивовой роще. Позволив своему компаньону заметить следы к стоянке, Ной отыскал сухое место и развел небольшой костерок, чтобы согреться горячей пищей перед сном и разложил нехитрые пожитки. Гонец вернулся затемно и сообщил, что по дороге перед ними прошли три всадника. Он настоял на том, чтобы его подопечный улегся спать, несмотря на все протесты и уверения, что амулет дает достаточно сил для намного более длительного путешествия. Сам же подыскал себе позицию для ночного дежурства в кроне разлапистого дерева и скрылся в листве с коротким луком воинов пустыни за спиной.

Неожиданно для себя, Ной провалился в забытие едва коснувшись головой уложенного наземь седла. Переход от яви ко сну был настолько стремительным, что воин не сразу понял, где находится. Резко сев в чистой, приятно пахнущей кровати, он попытался вернуться из сна на лесную поляну. Но наваждение крепко держало его, и инквизитору пришлось принять правила игры. Оглядевшись, он понял, что находится в одной из комнат своего дома в столице, это была комната служанки.

Только кровать почему-то была намного больше, а количество зажженных свечей заставляло прищуриться от яркого

света. На прикроватном столе стояла пиала с благовониями, и когда он посмотрел в ее сторону, испарения, поднимавшиеся над тлеющими углями, пришли в движение. Струйки пахучего дыма в завораживающем хороводе начали сплетаться в силуэт молодой женщины, и она, словно ангел из сказки, обретала плоть прямо на глазах. Вот только существо, ступившее на мягкий ковер прямо из воздуха, отнюдь не являло собой идеал добродетели. Лицо Анны было каким-то иным, словно она повзрослела и даже слегка осунулась – черты заострились а глаза приобрели нотку усталости. Обнаженное тело, однако, ничуть не утратило своей привлекательности, и формы казались даже немного более пышными, чем во время последней встречи. Она стояла, подогнув одну ногу, в стыдливом жесте прикрывая рукой красивую грудь, но в глазах горел огонь похоти, а не смирение стыдливой монашки.

– Так и будешь пялиться на меня, даже не предложишь даме сесть? – она кошачьей походкой приблизилась к кровати, на которой лежал Ной, и аккуратно присела на краешек одеяла.-Или прилечь?

– Вот ведь надоедливая дамочка. Мало мне ее в реальном мире, так она решила еще и во сне ко мне являться. Видимо, хорошо ты засела в моих мозгах, раз я не волен видеть сновидение, которые желаю.– говоря это, он откинул одеяло

и обнаружил что тоже полностью обнажен.

– Ворчливый же мне достался рыцарь, – ведьма заливисто засмеялась, прикрыв рот холеной ручкой и глядя ему в глаза своими лисьим взором. – Это ведь все – иллюзия, не нужно быть таким... Настоящим. Может, именно этот сон ты и хотел увидеть, не задумывался об этом?

– Даже в самом... – она не дала ему договорить, приложив пальчик, пахнущий пряными духами, к его обветренным губам.

– Это совсем не нужно. Оставь свои высокопарные пафосные речи для старых пней из Орденов- всего-на-свете. Я ведь здесь не для споров, как ты уже догадался. Выпей со мной. Может, это снимет твое вечное напряжение. – словно по мановению волшебной палочки на столике обнаружили два бокала чистого хрустала, наполненные жидкостью бордового цвета. Она взяла один из них и протянула мужчине второй. – Я не пытаюсь напоить тебя кровью младенцев, черствый мужлан, это всего лишь вино.

Он принял бокал и поудобнее уселся на подушках. Ну что ж, если не удастся отделаться от дамочки, то хоть насладится вином и обстановкой.

Ведьма тоже пригубила из своего бокала и откинулась к обитой подушками спинке кровати, продолжая с интересом разглядывать собеседника. Лисьи глаза сияли зеленым цветом, словно отражая свет свечей, а ухоженный коготок на указательном пальце скользил вдоль точеного бедра то вверх то вниз. Так продолжалось несколько томительных минут, и Анна не выдержала.

– Значит, ты и впрямь такой неприступный и непоколебимый? Любой мужчина уже давно набросился бы на меня, рыча от желания обладать этим телом. Тем более, это сон и никаких последствий не предвидится. Ты же, словно любитель церковных служек, старательно делаешь вид, что перед тобой предмет мебели.— говоря это, она чуть придвинулась к нему, коснувшись ногой его руки.

– К сожалению, любой другой мужчина не знал бы, с кем имеет дело. И бесспорно стал бы легкой добычей для тебя. Я же четко представляю себе, насколько ты опасна, даже во сне. – но не смотря на слова, мужчина не одернул руку, и девушка это заметила.

– А что если я скажу тебе, что сейчас я ничем не отличаюсь от обычной женщины, что ты можешь причинить мне боль и даже убить? Конечно, я не погибну на самом деле, но чего тебе будет стоить такой сон... Ты можешь делать все,

что захочешь, мой рыцарь.— она залпом опрокинула в себя вино и отшвырнула бокал в сторону, ловко продолжив движение руки и через секунду уже восседала у него на бедрах. Ной ухмыльнулся ее стараниям, и проследил за тем, чтобы его ухмылка была замечена.

Ощущая тепло молодого тела, он мысленно собрался противостоять этому натиску, но ведьма издала ликующий вопль, почувствовав его твердеющую плоть.

— Не такой уж ты и неприступный, — ловкие пальчики заскользили по его груди, причиняя легкую боль.— Неужели ты думал, что сможешь мне противостоять, глупенький?

— Это всего лишь тело человека, внутри я холоден и пуст. Ты можешь делать что хочешь, но ответной реакции не дождешься. Делай свое дело побыстрее, и, надеюсь, я поскорее проснусь.

— Да, узнаю своего солдата....Даже проиграв, пытаешь подпортить победителю вкус победы. Никогда не сдаешься, да? — она начала двигаться быстрее, обжигая горячим дыханием его ухо.— Сколько на тебе шрамов.... настоящий боевой пес. Скажи мне, скольких женщин ты убил?

— Тебе нравится насилие не только над телом, хочешь пи-

таться и черными страницами моей памяти? – он безучастно смотрел на упругую грудь, колышущуюся в такт движениям ведьмы у него перед глазами. – Скорее заканчивай и отпусти меня в реальность. Мне еще нужно найти способ тебя уничтожить, помнишь?

– О да... В этом ты весь. Это меня и наполняет жаром изнутри. Опасный и беспощадный убийца с ангельским лицом... Когда я в первый раз увидела тебя, то поразила твоей притягательности. Многие женщины хотели бы себе такого мужчину, верно? Ты был популярен в молодости у местных потаскушек?

– Моя молодость прошла на войне, а женщины, которых я знал в мирное время, были целомудренны и покорны. – он одернул руку, которую она силой положила к себе на грудь. – Я не желаю разговаривать с тобой и изливать тебе душу. Излить семя ты меня, может, и заставишь против воли, но не более того.

Ее тяжелое дыхание участилось, и Ной закрыл глаза, ожидая завершения этой пляски похоти и сладострастия. Надсадный вскрик Анны стоял у него в ушах, когда он проснулся, подскочив на кровати из ветвей, разбросанных на холодной земле.

У потухшего костра стоял Рем и с интересом разглядывал его.

– Пора вставать, рассвет через два часа. Самое время сделать решающий рывок. – он помог Ною подняться и принялся седлать лошадей. – к полудню мы будем на ферме старого Пирса, а там и до цитадели рукой подать.

Ной нащупал амулет ведьмы в поясном кошелье. Он излучал тепло и словно пульсировал, отдаваясь в руке настойчивыми толчками. Он вытер холодный пот со лба и ухмыльнулся. Надо будет впредь не спать рядом с ведьминым амулетом. И слава солнцу, выходило что больше не придется – к вечеру он уже сможет вручить опасный трофей книжникам, а уж они разберутся, что с ним делать.

После нескольких часов скачки рассвет окончательно вытеснил ночь, и утро заиграло росой на ветвях деревьев. Ной тем временем ощутил изменения в поведении зова, теперь он неожиданно начал менять направление. Если раньше его неумолимо влекло в столицу, то теперь на каждом отвороте дороги в сторону терлесских холмов он чувствовал сильное желание свернуть и помчаться сломя голову к побережью. И если поначалу инквизитор ощущал лишь неприятное жжение в груди, то спустя еще пару лиг Ной вдруг понял, что начинает терять самоконтроль – поводя его лошади перио-

дически сами по себе натягивались, и лошадь возмущенно хрипела от неожиданного требования всадника. Рем решил остановиться и оценить ситуацию.

– Тебе нездоровится? – обеспокоенно спросил он, подхватывая поводья. – Ты выглядишь как одержимый.

– Зов... он выворачивает меня наизнанку.... До сих пор так сильно еще не прихватывало.... – Ной измождено сполз с коня и сел у придорожной канавы. Стало легче, и он для лучшего эффекта ткнулся головой в сырую траву.

– Нам нельзя терять время. Я кожей чувствую, что кто-то ищет с нами встречи, и явно не для того, чтобы заключить в дружеские объятия. Так что если хочешь, я поведу лошадь, а чтобы ты не выкинул каких-нибудь фокусов, еще и свяжу тебя покрепче. Ты уж извини меня, но видок у тебя как у одичавшего дервиша, разве что на людей пока не кидаешься- тон гончей не терпел возражений, да и спорить не было ни сил ни смысла.

– Да, я думаю, так будет лучше. – он жадно напился из фляги и позволил привязать себя к лошади, а так же вставил себе в зубы валяющуюся у дороги толстую ветку. Было ощущение, что скоро она понадобится – как только Ной сел верхом, зов вновь начал терзать его внутренности.

Еще через несколько извилистых поворотов дороги изо рта потекла слюна, а глаза начали вылезать из орбит. Конь насторожено фыркал, чувствуя перемены во всаднике, и Рему пришлось несколько раз успокаивать его. Он тревожно косился на беснующегося волкодава, который уже даже перестал отвечать на обращенную к нему речь.

И вдруг пришло облегчение. Ной резко выпрямился в седле и огляделся вокруг ясными глазами. С удивлением он уставился на изжеванную ветку, торчавшую изо рта, и знаком попросил спутника о том, что хочет сделать остановку. У ледяного ручья разбили они временный лагерь, решив, что придорожные кусты послужат достаточным укрытием от любопытных глаз.

– И часто у тебя такое? – Рем быстро наполнил фляги и принялся за приготовление нехитрой еды.

– Нет, обычно это просто как приступ слабости, а потом меня влечет в нужном направлении. В этот раз что-то пошло не так – я не помню себя, все застилает красная пелена.

– Раз тебе легче, то предлагаю поступить так. Я выйду в разведку, пока ты останешься на месте. Не знаю, что там у тебя за приступы – но у меня уже просто исчезлось то

место, которым я чувствую опасность. Вроде как если ты не движешься – хуже явно не станет. Так что не выходи на дорогу, жди меня здесь.– с этими словами разведчик вскочил в седло своего коня и скрылся в чаще.

Подыскав хорошее место, откуда было видно все окрест с невысокого холма, а его самого при этом заметно не было, Ной принялся ждать. Зов хоть и все еще сильно мешал, но уже не причинял боли. Пару раз он слышал какой-то шум с дороги – будто мимо проезжали всадники, но никто к ручью спускаться не стал. Близость столицы уже давала о себе знать, путники здесь встречались намного чаще.

Спустя час ожидания инквизитор заметил выходящего из кустов Рема, он был пешим, и передвигался под тенью деревьев. Оглядев поляну, где он оставлял попутчика, разведчик безошибочно вычислил укрытие Ноя и двинулся к нему.

– Мой нос чесался не зря. Впереди, у излучины дороги, стоит засада. Двое мужчин, явно с юга, и женщина. Убийцы притаились у дороги, а их спутница сидит возле лошадей чуть в отдалении и чего-то ждет. Видимо, когда ей притащат наши головы.-когда Рем говорил, его глаза не переставали цепко ощупывать окрестные холмы в поисках движения.

– Моя голова тут явно в безопасности, тут будь спокоен, –

Ной отвязал коня от сучковатого дерева и вскочил в седло. – А вот насчет твоей не уверен. Ты можешь вывести меня на тракт, минуя этих проходимцев?

Рем отрицательно покачал головой.

– Они не зря выбрали это место. Форсировать реку мы не можем, Илая тут особенно широка, слева же крутые склоны. Единственный путь к мосту через реку – эта дорога. Если идти в обход – уйдут как минимум сутки, и мы зайдем к тому же мосту, но с севера.

– Значит, избежать стычки не получится. Хорошо. Тогда покажи мне женщину.

Анна сидела у костра и от скуки выискивала в углях что-то тонким ивовым прутиком, который шипел и дымился, изнемогая от жара огня. Как только Ной показался на опушке, она вскинулась и посмотрела на него. Да, девушка действительно выглядела старше, чем даже во сне. Разглядывая неспешно приближающегося инквизитора, она чуть наклонила голову набок и выжидающе наблюдала за ним. Вдруг как будто что-то решив, девушка издала громкий свист, своей силой удививший бы и пиратского боцмана. Ной еще не успел приблизиться и на двадцать шагов, как из кустов навстречу ему вышли двое мужчин, облаченных в вашаха,

одежду пустынных кочевников. Этот длинный шарф из тонкой ткани наматывался на все тело с ног до головы, и облаченные в такую одежду люди становились похожими на выбравшихся из склепа мертвецов. Иной южанин мог обмотаться вашахой меньше, чем за пару минут, при этом одев еще и кольчугу, и подбитый стальными полосами тюрбан. Они дошли до середины пути, отделявшего Ноя от ведьмы и остановились, с любопытством разглядывая волкодава. Один из них наизготовку держал лук, второй довольствовался вынудой из ножен кривой саблей.

По мере приближения Ноя, ведьма тоже двинулась с противоположной стороны к месту намеченной встречи. Когда все четверо сошлись, тот из южан, что был повыше, сплюнул через кривые зубы и сказал:

– Ну вот мы и встретились, шимели. Заставил ты нас побегать, давненько не было у нас такого суматошного дельца. – южанин медленно водил клинком перед собой, словно выискивая недостатки баланса у оружия.

– Я не искал с вами встречи, а неожиданных гостей обычно не жалую. – Ной скрестил руки на рукояти меча и посмотрел мимо говорящего. – Если ты знаешь, кто я, то потрудись сообщить, что тебе от меня нужно.

Анна стояла всего в десяти шагах, и он смог рассмотреть ее получше. Впалые щеки, синяки под глазами и растрепанные грязные волосы. Одежда тоже явно нуждалась в чистке – от бывшего лоска не осталось и следа. Но даже в таком состоянии она была чертовски привлекательна. И все так же опасна, как и прежде, а глаза горели все тем же зеленым огнем. Вдруг рыцарь одернул себя, чтобы не залюбоваться ею. На боку девушки в кожаных доспехах висел длинный восточный кинжал, и волкодав укрепился в своих подозрениях.

– Что может быть нужно духам пустыни от *шимели*? Конечно же, его голова. – южанин с мечом криво усмехнулся и сделал шаг вперед.

– Погоди, Ахмет. Мы договорились, сначала – он отдаст мне мою вещь. – Анна не подходила ближе, ограничившись лишь властным жестом на расстоянии. Второй наемник опустил лук и выжидающе уставился на старшего.

– Ах да... прекрасная *эхеэзера*... у нас с ней уговор, что мы отдадим нечто, принадлежащее ей и носимое тобой. Мы даже сдуру сунулись за этой вещицей в пасть самой Инквизиции, когда она пообещала нам выдать твой маршрут. Итак, это у тебя есть, шимели?

В ответ Ной лишь усмехнулся, вынул клинок из ножен

и встал в боевую стойку.

– Я гляжу, вы неплохо спелись с этой подстилкой. Судя по тому, как твой гнилозубый прислужник плотоядно пялится на нее, вы стали очень близки в своем стремлении сжить меня со свету.— он заметил, как дернулась Анна, и порадовался, что вновь достиг цели. – Хочешь мою голову, *эссэхеле элькелеб*, попробуй не лишиться своей.

Глаза наемника при этих словах расширились, и он устался на Ноя, выпучив глаза и раскрыв рот. Анна уже пришла в себя и шипела под нос оскорбления, выискивая что-то в складках своей одежды.

Второй наемник выхватил ятаган и начал заходить слева – не слишком умно, когда можно было убить его на расстоянии, мимоходом подумал Ной. Но тут старший поднял руку, увенчанную перстнями, приказывая остановиться, и южанин с луком за спиной замер как вкопанный. Но Анна не теряла времени – быстрым движением она метнула в его сторону маленький пузырек, упавший под ноги волкодава. Едва он коснулся земли, как едкий запах ударил в ноздри Ноя и он успел лишь понять, что заваливается на спину, выпустив оружие из рук. Мир окутала тьма.

Глава 6 «Возвращение домой»

Когда Ной очнулся, была уже ночь. Он обнаружил себя лежащим на траве со связанными руками и ногами, а на лице саднила глубокая царапина, полученная, скорее всего, пока его тащили по земле к костру. В кругу огня сидел старший из наемников и молодая ведьма, третьего члена этой маленькой банды видно не было, наверное, стоял в карауле. Двое у костра беседовали, и пленник решил пока не обнаруживать свой приход в сознание. Наемник был очень возбужден и оживленно жестикулировал, о чем-то споря с Анной.

– Я же тебе говорю, женщина, это именно он. Его нельзя оставлять в живых, ты не представляешь, насколько это опасно. *Эльнуот Эсарья*, это точно он, и Мизгирь согласен со мной. Знаешь, как он получил это имя?

Ведьма откинулась на седло, стоявшее на земле за ее спиной, и молча кивнула, соглашаясь выслушать историю.

– Этот *шимели* был взят в рабство в возрасте, когда только у волчат начинают отрастать зубы зверя. Северные острова в те времена были раздираемы междуусобной войной, и наши галеры частенько заглядывали в их негостеприимные гавани за рабами и серебром. Его везли на галере шаха

Касиба. Славный был поход, мы сожгли много деревень северян, а их берсерки только кусали локти, провожая злобными взглядами наши корабли, которые были неуловимы, как лунный ветер. Клянусь своей тенью, мы взяли очень много рабов, столько, что нам приходилось выбрасывать за борт труппы каждый день, мы не могли их всех прокормить, а воды не хватало даже своим воинам. В клетке помимо него было еще три мальчика, и догадайся, кто остался живым к исходу уже второго дня? Не знаю, что они там не поделили, может, скудную еду, может еще чего, но когда в клетку посадили еще двоих взамен умерших, наутро убитыми оказались и эти. Когда надсмотрщик попытался проучить маленького зверя кнутом, тот изловчился и выбил жирному негодяю глаз подвернувшейся под руку ржавой уключиной. В ярости этот недостойный попытался придушить мальчика, но в дело вмешался капитан. Ему понравился звериный дух этого чертенка, и он отвез его в нашу столицу. Там он отдал его жрецам Луны, которые как следует кормили его и заставляли бегать вокруг стен цитадели, спуская на него собак. На арене же ему не было равных – эти бои были очень популярны в Ахире, мальчики сразу после боя отправляются убаживать богатых аристократов, которые готовы платить большие деньги за эти ласки.

– То есть в вашей столице есть гладиаторские бои для детей? – ведьма передернула плечиками, – Вы воистину вар-

варский народ.

– Дети все делают искренне. Живут, любят. И убивают. За это ощущение такое развлечение и популярно. Наш звереныш сделал себе это имя, его прозвали – *Эльнуут Эсарья*, что значит- быстрая смерть. Сначала я думал, что этот *шимели* просто похож на того самого волчонка, но когда он назвал меня псом пустыни, я уверился что это именно он стоит сейчас передо мной. Наш мясник кричал это оскорбление в сторону ликующей толпы каждый раз после того, как его клинок обагрался кровью. Этот дьявол повзрослел, борода несколько скрывает лицо, но это он, я уверен.

– И как, согласно твоей сказочке, малолетний гладиатор-любовник из Ахиры оказался в рядах карателей Инквизиции? – Анна была явно заинтригована историей, хоть и пыталась выказать внешнее безразличие.

– Богатая аристократка влюбилась в него. К тому времени он уже был юношей и фаворитом многих скучающих придворных дам. Цена за ночь с ним сделала его хозяина сказочно богатым. За звериный темперамент и непокорность одни его уважали, другие боялись, а третьи любили. Однажды он получил тяжелое ранение на арене, и любящее сердце не смогло вынести больше таких мук – аристократка выкрала его у хозяина, и раненого повезла морем в Кавир. По пути

на корабль напали пираты, и женщина была убита, а галера потоплена. Несколько лет о нем не вспоминали. Но когда началась Война Четырех Щитов, и Империя вторглась в пределы луны, в передних рядах с мечом в руке в бой шел мужчина в перепачканных кровью доспехах. Жестокость его и боевая доблесть не знала пределов, и вызывала благоговейный страх даже среди своих. Вскоре личность его была раскрыта. Им оказался наш волчонок, который вернулся мстить. Он шел по трупам наших воинов к дворцу шаха, но когда остальные устремились грабить и насиловать, этот двинулся к поместью Ифира, распорядителя гладиаторских боев. Его многочисленную семью и его самого потом нашли изрубленными на мелкие части в огромном чане с помоями, а поместье горело несколько дней. Так кончается история Эльнуот Эсарья, и ей до сих пор пугают непослушных детей на ночь, а должность распорядителя боев перестала быть такой привлекательной и престижной как ранее. – наемник замолчал и смочил пересохшее горло водой из фляги. – Нас наняли для того, чтобы этот воин не дошел до Кавира, и то, что у него нет побрякушки, которая так нужна тебе, не отменяет оплаченный контракт. Мне, конечно, стоит отрезать нанимателю ухо за такой промах и затребовать тройную оплату, но он вполне мог этого и не знать.

– Не нужно об этом беспокоиться, милый Ахмет, я сама разрешу эту проблему, – голос ведьмы стал сладким словно

мед, и вкрадчивым как ночная кошка. Наемник вдруг замер и отрешенно уставился на нее, будто очень задумался о чем-то. Она ласково положила руку ему на плечо и поцеловала в губы. Шипение углей, на которые брызнула кровь из перерезанного горла, заглушило звук падения мертвого тела, с которым южанин повалился набок.

Вытерев кинжал, Анна выкрикнула в темноту имя второго наемника, и тот подтащил Ноя к костру, а тело бывшего боевого товарища уволок куда-то в темноту. Скрываться было уже мало смысла, и пленник с любопытством разглядывал женщину при свете костра.

– Какая же ты у нас насыщенная личность, мой рыцарь. Как много ты в себе сочетаешь – зверь, неутомимый в бою и в постели, пес Императора, покорный и поджигающий хвост когда нужно, и волкодав Верховного инквизитора, свято верующий в вашего бога, при этом не стесняющийся забирать жизни невинных. И во всех ипостасях – жестокий, хладнокровный убийца. Именно такой рыцарь мне и нужен. – Анна хихикнула и помогла Ною поудобнее устроится на земле, подложив под голову седло убитого наемника. – Сколько еще граней мне предстоит открыть?

– Прежде чем решишь, что я тебе наскучил, и поступишь со мной так же, как с бедняжкой – Ахметом? – сарказм

в этом положении не очень удавался, но попытаться стоило.— Теперь я знаю, кто так хладнокровно расправился с той де-вушкой из таверны. Перерезать горло у тебя можно поучить-ся. И, кстати, у тебя лицо забрызгано кровью.

– Ах нет, чужие заслуги мне не нужны. Это все Мизгирь, он у нас мастер акробатических трюков с кинжалами.— она поднесла к губам пленника флягу с водой и помогла напить-ся. – Что до пятен на моем лице – так я подумала, что тебе я наверное так даже больше нравлюсь.

С этими словами она с силой поцеловала его в губы, и Ной почувствовал во рту вкус еще совсем недавно живой крови.

– Ты не можешь мне нравится, женщина. Для меня ты воплощение грехов и дьявольской ереси, подлежащее скорей-шему уничтожению.— При этих словах Анна сморщила но-сик и фыркнула.

– Опять за свою старую песню. Однако в твоем сне тебе было совсем недурно, а? – и она, прищурившись, посмотрела ему в глаза. – Там ты не особо причитал и молился, скорее – позволил мне сделать то, что сам хотел. Будешь отрицать?

Он ответил лишь глубоким вздохом. Что можно было объ-яснить влюбленной женщине, да к тому же с такой извра-

щенной душой?

Из темноты вышел Мизгирь и молча сел у костра. Намник все это время не проронил ни слова, напоминая собой ходячий труп, обмотанный погребальным саваном. Безучастно глянув на пленника, он принялся за еду, не издавая при этом ни звука.

– Раз уж у нас тут вечер откровений, то может, расскажешь, кто послал за мной этих милых ребят? Кто решил со мной свести счеты? – Ной попытался резко сесть, но связанные руки не давали этого сделать. – И может, развяжете мне хотя бы ноги, чтобы я не валялся тут, как мешок с зерном.

Южанин перестал жевать и уставился на Анну, ожидая приказа.

– Всему свое время. Пусть у меня будет маленький секрет от тебя. Но сначала расскажи мне, куда ты дел мой амулет? – ведьма подбоченилась и нетерпеливо потеревила рукоять кинжала, висевшего на поясе.

– Ты и сама, я думаю, уже можешь ответить на свой вопрос. Амулет, скорее всего, уже в Кавире, вы клюнули на меня и упустили свой шанс. Если тебе интересно, я расскажу

тебе всю историю о том, как ты потеряла свою силу.

– Хорошо, удиви меня. Раз уж мне уже не догнать твоего пронырливого попутчика. – она уселась у костра и тоже принялась за еду. – До утра еще есть время, так хоть развлечешь меня иными разговорами, а не как обычно – ересь да покаяние.

– Когда я срезал амулет, ты потеряла часть своей силы. Причем, скорее всего, большую ее часть. И теперь ты меня боишься. Иначе, зачем тебе было очаровывать наших луноликих друзей. Ты теперь носишь оружие, значит – уже не можешь обходиться без него и защитить себя при случае. Именно поэтому ты позвала наемников из засады, когда увидела меня, упустив при этом гончую с амулетом. И потому ты не подходишь ко мне близко, а если приходится – находишься рядом так, чтобы я не мог до тебя дотянуться даже связанный. Да и вид у тебя сейчас скорее как у обозной девки, чем могущественной ведьмы, лицо излучает усталость и напряжение, а движения дерганные и нервные. Ты боишься и держишь кинжал все время под рукой, стараешься не выпускать меня из виду. Ведь ты знаешь, с кем имеешь дело. Я чувствую твой страх, ведьма. И дни твоей жизни иссякают, как песчинки в песочных часах – медленно, но неумолимо.

Она сгорбившись слушала его слова и лишь было видно

при свете костра как грудь ходит ходуном под тесным кожаным нагрудником. Распущенные волосы скрывали лицо, но когда девушка повернулась к нему, он увидел два красных уголька, не имевших ничего общего с глазами человека. Волны ярости изливались из этих глаз, окутывая целиком и парализуя волю. Ной удовлетворенно хмыкнул.

«Вот оно, твое истинное лицо, ведьма. Да поможет мне солнце....» – подумал инквизитор и потерял сознание.

Мизгирь был старым пустынным волком. За годы наёмничества все его чувства и рефлексы приобрели схожесть со звериными, граничащими с непонятной магией. Он часто мог предугадать приближение жертвы еще до того, как появлялись любые явные признаки, чувял засаду не хуже койота, а в изобретательности ему позавидовал бы любой воришка из трущоб Ахиры. Услугами немногословного убийцы пользовались только очень состоятельные клиенты, которые готовы были платить огромные деньги за его работу, и он слыл одним из лучших в своем деле. Поэтому Мизгирь очень удивился, когда тот, кто пришел его убивать, практически материализовался у него за спиной, бесшумно и без суеты поставив точку в его цветастой биографии тонким длинным кинжалом. Пришелец аккуратно придержал оседающее тело, чтобы падающий часовой не издал ненароком лишнего звука, и Мизгирь поразился, какими заботливыми и участли-

выми были эти руки. Как будто его уложили на траву, извиняясь, что приходится оставлять его вот так умирать. Еще он отметил, что не упал в темноту беспмятства мгновенно, как поступил бы с часовым он сам в такой ситуации. При этом тело не чувствовало боли, но неотвратимость смерти была почему-то очевидна, голова была ясной и он с упоением впитывал свои последние звуки из этого мира. Хотелось помолиться луне, ярко сиявшей на ночном небосклоне, наблюдая за своими чадами, но в голове умирающего наемника роились лишь проклятия – скосив глаза, он видел, что лошади молодой ведьмы нет на месте.

Между тем, пришедший из тьмы все так же бесшумно обошел потухший костер и склонился над связанным пленником. Вынув кляп изо рта, он перерезал путы и дал знак не шуметь. Ной кивнул в ответ, и они вместе скрылись во мраке ночи.

Когда затекшие ноги перестали выть от боли, Ной остановился и жадно напился из фляги на поясе. Произошедшее не требовало комментариев, волкодав узнал снаряжение королевской гончей, а незнакомец не особо спешил представиться. Он лишь жестом поторопил инквизитора и уже через несколько минут они вскочили в седла двух превосходных скакунов, спрятанных в густом подлеске.

Рассвет застал их на лесной дороге, по которой они неслись галопом не жалея лошадей. Кони яростно хрипели, протестуя от такого с собой обращения, но всадники лишь яростнее пришпоривали скакунов, выжимая из животных все возможные резервы. Спустя несколько часов таких пыток на дороге показался церковный служка с парой сменных лошадей, и они быстро обменяли своих взмысленных коней на свежих, после чего продолжили дикую скачку. Зов теперь тянул его обратно, хотя столица была теперь ровно впереди. Голова оставалась ясной, а конечности слушались приказов, вопреки всем опасениям, что зов мог становиться нестерпимым по мере приближения к Кавирру, видимо, снадобья Ивора работали на совесть. Вскоре он увидел первые соборы, возвышающиеся над кварталами ремесленников и рыбаков.

Молчаливый спаситель указывал дорогу, и вскоре они остановились у ворот небольшой крепости, перекрывавшей дорогу в город. Их уже ждали.

Начальник эскорта, намного более мощного, чтобы быть просто сопровождением, разоружил Ноя и заковал его в кандалы. Гончая растворился в предрассветной дымке, а вновь плененный инквизитор под конвоем отправился в казематы Ордена. Петляя по темным коридорам вслед своим охранникам, Ной ощущал понятное чувство облегчения с одной стороны, и предчувствия чего-то неотвратимого и опасно-

го с другой – так он всегда себя чувствовал перед встречей с Верховным. То, что его приняли сразу, без подходящих процедур и проволочек, говорило о том, что отец Вали встревожен не на шутку.

Священник в огненно алой мантии сидел за рабочим столом обычного писаря в одной из многочисленных комнат этого гигантского здания. Ходили легенды, будто были случаи, когда человек терялся и умирал в этом муравейнике коридоров и комнат, уходящих глубоко под землю. Когда стража ввела Ноя в покои, Верховный инквизитор Империи дал знак ожидать за дверью, а сам поднялся навстречу волкодаву. Преклонив колена, Ной поцеловал край мантии и, увлекаемый святым отцом, уселся в неудобное плетеное кресло напротив стола. Несколько минут священник внимательно изучал Ноя цепким колючим взглядом, после чего обратился к пленнику сухим и властным голосом:

– Начни свой рассказ с того места, как вы убили ведьму, сын мой. Хочу услышать все из первых уст, не опускаясь до подробностей. Поторопись, у нас очень мало времени.– он сложил руки в жесте молящегося, и выжидающе посмотрел на волкодава.

Как мог, сжато и четко, Ной рассказал о своих злоключениях, опуская казавшиеся маловажными детали. Во время

рассказа святой отец не прерывал его, а лишь вглядывался в серые глаза собеседника, словно пытаясь отыскать в них истину. Когда же рассказ был завершен, старик откинулся в кресле и, после минутного раздумья, проговорил:

– Итак, прежде чем передать тебя дознавателям, я должен был увидеть все сам. В глазах твоих нет ни предательства, ни безумия, значит все то, что мне донесли ранее – ошибочно. Привезенный одним из гончих амулет уже отправлен книжникам, остается решить, как поступить с тобой. Но это уже – воля императора. Услышанное позволяет мне заключить, что ты опасен, а посему – ты будешь удерживаться в темнице до конца расследования. Прошу проявить смирение и во всем содействовать дознавателям. На этом окончим.

Звенящего кандалами Ноя увели стражники, а святой отец встал перед зеркалом, и, размышляя, вглядывался в глубокие морщины на своем лице. Он думал о том, что последние события могут круто изменить всю сложившуюся картину мира. А так же о том, как выгоднее предстать перед напором обстоятельств и сохранить целостность Ордена. При последней мысли уголок рта верховного священнослужителя дернулся в некоем подобии ухмылки. Он поправил головной убор и печально улыбнулся своему отражению. «Воистину, смутные времена грядут...» – подумал он. И глаза его при этой мысли стали холодными и пустыми, как омут

озера Чед.

На третий день заключения пленник достиг нужного состояния. Отвары, которыми его поила стража по навету дознавателей, в сочетании с отсутствием еды быстро превратили упорного и бесстрашного воина в бормочущее чужь и пускающее слюни существо. После очередного осмотра лекарий наконец удовлетворился результатом, и пленника отвели в безликую серую комнату без окон. Из мебели в ней был стол и пара стульев, на один из которых и усадили безвольного волкодава. Спустя некоторое время в комнату ввели второго участника допроса – сублильного молодого юношу, обритого наголо и мало отличавшегося от Ноя по состоянию рассудка. Он был неимоверно худ, а закатившиеся глаза и впалые щеки делали его похожим на мертвеца. Поставив его позади стула рыцаря, стража возложила худые руки дознавателя на голову Ноя, и удалилась, оставив с ними лишь писца, который уселся за единственный стол. Процесс длился семь часов, и состоял из бесконечной череды бормотания дознавателя и скрипа пера, досконально фиксирующего видения книжника в мельчайших подробностях. Чувства, мысли, намерения и поступки – все читалось как в открытой книге, и заносилось в реестр дознания. Когда громкий шепот юноши дошел до того места, как Ноя отвели в сырую камеру крепости, писец позвал стражу. Обессилившего юношу уволокли на носилках, та же участь постигла и пленника. Писец

аккуратно привел в порядок солидную стопку записей, после чего скрепил все это своей печатью и направился на доклад к Верховному инквизитору, уже дважды за сегодняшний день торопившему следствие.

Но ничего этого Ной не помнил. Он очнулся в чистой кровати у себя дома, и сразу сообразил, что спит мертвым сном уже много часов. Все члены Ордена проходили через эту процедуру, многие даже по нескольку раз, но привыкнуть к такому было невозможно. Каждый раз это таинство оставляло в голове ощущение скользкого холодного червя, излазившего все самые укромные уголки сознания испытуемого в поисках затаенных мыслей. За плотно задернутыми шторами брезжил рассвет, а на кроватином столике стояла ваза с фруктами и кувшин с вином. Ной мысленно поблагодарил Лизу, и, не мудрствуя лукаво, принялся вливать в себя вино бокал за бокалом, пока от бессилья и хмеля вновь не потерял сознание и забылся тревожным сном. В сновидениях он беседовал с тощим юношей-дознавателем о том, как тяжело пережить подобные вторжения в чужую голову им обоим, но беседа под конец не задалась, и книжник бросился на него с длинным узким кинжалом. Отбиваясь от озверевшего книжного червя, Ной все никак не мог понять, почему у того не ломаются кости от мощных ударов, которые волкодав наносил ему по всему телу, а так же как он будет объяснять Верховному Инквизитору свое поведение, когда же на-

конец убьет озверевшего доходягу.

Очнулся он под вечер, в мокрой от пота кровати и терзаемый нечеловеческим голодом. Волкодав одел халат и спустился в гостиную, где у огня с сыном на руках сидела Лиза. Молча поприветствовав служанку, он провел своей мозолистой рукой по ее упрямым волосам и не забыл про маленькое смешное ушко и подбородок. Она ответила ему, двинувшись головой навстречу ласковому прикосновению, и на секунду замерла, отдавая ему в ответ ощущение безмерного счастья и покоя. Маркус на ее руках крепко спал, обхватив своими ручонками шею матери. В кухне послышалась возня – это Марта сообразила, что хозяин вышел ужинать. Из-под полуприкрытой двери в комнату Ипполита струился свет свечи, и Ной шагнул внутрь, вдохнув привычный запах канфоли и табака. Старый распорядитель сидел, сгорбившись за своим столом возле маленького горна, и нацепив на левый глаз какую-то чудовищного вида разновидность пенсне, выплавлял из вязкой субстанции фигурку белки. Заметив, что у него гости, старик развернулся на своем вращающемся стуле и приветствовал хозяина.

– Здравствуйте, господин. Рад видеть вас в добром здравии, особенно после всего, о чем мы наслышаны. Я быстро распоряжусь о бане и ужине, ведь вы проспали полтора дня.– Старик засуетился в своей обычной манере, но Ной остано-

вил его жестом. Ипполит послушно уселся на стуле, ожидая указаний.

– Расскажи мне, как жизнь в поместье, старик. Все ли дела в порядке, и что твориться в столице? – Ной откинулся к стене на узком топчане, выполнявшей в этой комнате роль кровати, и полуприкрыл глаза.

– Дела идут хорошо, господин. Ферма, которую мы выкупили у старика Питта начала приносить доход – мы продаем зерно местному пивовару. С тех пор как вы ушли в поход минул месяц, а мы уже продали две трети урожая. Ребенок Сары, увы, умер от болезни, и ваш духовный наставник велел заменить ее на более проворную девку, которую должны прислать не далее как послезавтра. Маркус и Ульрик прибывают в добром здравии, правда на прошлой неделе произошел инцидент... – тут старик замялся, явно опасаясь сообщать хозяину неприятные новости, – Ко дверям прибыл квартет из ордена Стражей... Они пришли с обыском и якобы по обвинению в отступничестве и дезертирстве вашей милости... Потребовали выдать все документы на поместье и мой гроссбух, а так же сообщить о вашем местонахождении, если таковое известно. Ну так Ульрик обозвал начальника квартета подлецом и клеветником, а затем, разрубив рапирой приказ о вашем аресте, бросился на него. Защищаясь, стражники были вынуждены связать его и отвести

в темницу, где он пробыл до сего дня. После вашего допроса я ходатайствовал к судье, и он постановил отпустить вашего сына. Так что мы ждем его прибытия с минуты на минуту – вы же знаете этих бюрократов....

И еще... Начальник патруля из Ордена Стражей был очень доволен мальчиком и свои претензии не выставлял, ведь тот умудрился в схватке ранить его в плечо, и только подоспевшие на подмогу товарищи смогли утихомирить смутьяна. Он сообщил, что будет просить за Ульрика, чтобы того досрочно зачислили на обучение в Орден.– старик смиренно замолчал, ожидая реакции Ноя. Тот глубоко выдохнул, и ответил старику спокойным, размеренным голосом:

– Отметь себе следующее. Сару вернуть в поместье, если она сама захочет этого, расходы по содержанию или же отступные я беру на себя. Оплати их из денег от последнего похода, – старик мигом подхватил перо и быстро начал записывать волю хозяина.– Остатки зерна придержать на складе, а излишки муки, если уж таковые имеются, выдать пекарю вперед будущих поставок хлеба. В почтовой службе Грумхельма найти некоего гонца по имени Густав Лейган, и выкупить у него мою кольчугу за двести лир золотом, условленными при расчете. Так же, назначить встречу с книжником Люцием, и как можно скорее начиная с завтрашнего утра. И последнее. Направь письмо за моей личной печатью в канцелярию Инквизиции. В коем сообщить о необ-

ходимости проверки личности и заслуг некоего ростовщика по имени Борео из Бэйля, прозванного Лисом, а так же запрос на контроль действий наместника провинции Дзань по борьбе с бандой, грабящей простой люд под Истрой.

Ипполит аккуратно записал на бумагу сказанное, и удалился по своим делам. Ной несколько минут еще посидел в каморке старика под лестницей, вдыхая знакомые запахи и наслаждаясь шумом своего дома, который заметно ожил, стремясь обеспечить покой и уют своего хозяина. В пристройке ухал паром конюх, распалая баню, на кухне звенела посудой Марта, даже маленький Маркус почувал перемены в атмосфере логова, подав свой голосок из гулкового общего зала.

Разомлевший от горячего пара и умелых рук служанки, Ной вышел к столу, где его уже ожидали. Сытный ужин был накрыт на две персоны, а по правую руку от стула хозяина восседал седой мужчина в серой мантии. Душевно обнявшись с гостем, хозяин без лишних слов приступил к трапезе. Когда же первый голод был утолен, а мысли потекли медленно и неспешно, Ной откупорил бутылку сладкого вина и разлил его по чашам.

– Приятно вновь оказаться в родных стенах, сын мой? – мужчина в мантии добродушно улыбнулся, глядя как его

подопечный млеет от еды и вина, удобного любимого кресла и тепла яркого камина, в котором гудели сухие дрова.— Особенно это осознаешь пожив недельку под открытым небом, под ветром и дождем.

— Ты как всегда прав, Виктор. Не тебе ли, как моему духовному наставнику, не знать, как я ценю уют и спокойствие. Увы, жизнь не ослабляет вожжи, а лишь усиливает напор. Как дела в совете? Какие новости? — и Ной внимательно посмотрел на жизнерадостного старика. Он до сих пор не понимал, как служба в церкви сочетается в нем со столь веселым нравом и эпикурейским взглядом на жизнь. Виктор умел лечить душу словом, да и к тому же, был отличным собутыльником, начитанным и имевшим на все на свете свой собственный вид.

— Совет принял решение не держать тебя более в казематах. Однако, тебе следует знать, что за твоим домом наблюдают стражи, у которых есть четкий приказ — если ты попробуешь покинуть эти стены без разрешения совета, или меня, как твоего духовника, под мою ответственность конечно, они буду вынуждены тебя остановить. Любой ценой. Твое проклятие всерьез всполошило старых филинов из совета, а потому тебя решили пока что убрать с шахматной доски. С тобой ищет встречи Люций, это твое подобие друга из Ордена Книжников. А еще — твой сын только что прибыл и просит

отобедать с тобой. Мне не терпится скорее услышать твою исповедь, но ради такой встречи я готов подождать.

– Так хочется исповедовать меня, что в рукаве ты держишь узкий кинжал, а когда я наклоняюсь к тебе в разговоре, стараешься не смотреть мне в глаза? – Ной сурово глянул из-под нахмуренных бровей на старца, но тот ответил жестким и прямым взглядом человека, которому нечего скрывать.

– Это приказ книжников. Одержимость... – тут духовник осекся.– Твое проклятие может проявляться по-разному. Не ты ли терял над собой контроль на подъездах к Кавиру? Всем твоим домашним, а так же мне, было дано четкое указание – наблюдать. И принимать меры, если ты станешь... неуправляем. Да и кого мы обманываем – даже с кинжалом я не смогу и икнуть в твою сторону, учитывая то, с кем я сижу за столом. Этими ли словами я не снимаю напряжение, возникшее ненароком?

Ной кивнул, давая понять, что вопрос исчерпан. Но про себя отметил, как тяжелый камень свалился с души священника, вынужденного подстраиваться под такие непростые обстоятельства. Его плечи наконец расслабленно опустились и беседа стала более непринужденной.

Спустя полчаса неспешных разговоров дверь в прихожую отворилась, и в зал вошел молодой юноша, на вид лет тринадцати. Совсем еще ребенок лицом, он имел жилистые руки и широкие плечи, словно очень торопился стать взрослым и изнурял себя тренировками. Лицо его было серым от заживающих синяков, а правая рука висела плетью, поддерживаемая повязкой. Он молча подошел к столу, и поочередно поцеловал руки сидящим за столом мужчинам. Ною – в легком поклоне, священнику – приклонив колено. Марта быстро накрыла на стол для вновь прибывшего и удалилась, звеня пустыми тарелками на подносе. Ной внимательно всматривался в лицо сына, и испытывал внутреннее торжество. Мальчик рос настоящим воином, не только выжив в своем первом серьезном бою, но и умудрившись ранить куда более опытного и опасного противника. Все раны и ссадины наскоро, но очень тщательно были перевязаны матерью, и, удаляясь на кухню, она еще раз любовно глянула на своего сына, пожирая вернувшегося домой отпрыска жадным взглядом.

– Итак, Ульрик. Объясни мне и преподобному Виктору причины своего неподобающего поведения в тот самый день, когда к нам в дом пришли братья из Ордена стражей. – Ной покровительственно скрестил руки на груди и замер, ожидая объяснения.

– Прошу не гневаться, отец. Но как твой сын, я был обя-

зан защищать честь нашей семьи и наш дом в твое отсутствие.— Ульрик склонил голову в легком поклоне в сторону отца.— А эти болваны осмелились утверждать немислимое. Что ты стал дезертиром и отступником, предал память своих погибших товарищей и скрылся в лесах со всем оружием и снаряжением отряда, якобы имея целью вступить в банду местных разбойников. Я не смог стерпеть такой клеветы и прошу прощения за то, что вспылел и ввязался в драку. Но во второй раз я поступил бы так же, ведь когда тебя нет дома- то защищать его от врагов — мой долг. — Повторный поклон дался ему труднее, вызвав мимолетную гримасу боли. Мальчику похоже здорово досталось от стражников.

— Сын, эти болваны имеют обыкновение называться братьями Ордена Стражей. И негоже указывать им на несправедливость их действий или же приказов — ибо это воля Императора, вне зависимости от того, как данное выглядит со стороны. После излечения ты будешь наказан за дерзость плетьюми, после чего мы будем решать вопрос о твоем дальнейшем образовании. Фехтование, как я погляжу, ты уже усвоил достаточно хорошо.— Ульрик склонил голову, соглашаясь со своей участью, и приступил к трапезе. Быстро закончив, он попросился из-за стола, тактично оставив отца с его духовником для длительной беседы. Кивком головы Ной разрешил ему удалиться, но уже на пороге остановил его, назвав по имени. Мальчик вполоборота замер в дверях,

ожидая слов отца.

– Сейчас пойдешь в баню, пусть мать приведет тебя в порядок. Скажи ей, чтобы купила у аптекаря все необходимое для скорейшего лечения. И еще одно... – при этих словах губы священнослужителя расплылись в добродушной улыбке, хотя сам хозяин стола не выразил никаких эмоций. – Я горжусь тобой, сын.

Когда дверь за мальчиком закрылась, Виктор с укоризной посмотрел на нахмурившегося инквизитора.

– Ты слишком строг к нему. Он еще совсем молод чтобы, осознавать такие вещи как принадлежность к ордену и смирение перед волей Императора, да продлит бог его справедливое правление.

– Осознавать серьезность своих поступков никогда не рано. И этот ребенок чуть не прикончил одного из членов ордена Стражей, забыл? А это уже не игрушки. Мальчик – прирожденный убийца, и если не направить его по пути послушания и веры – бог знает что может получиться из этого.

– А какой еще щенок мог уродиться в семье волкодава? – Виктор насмешливо прищурился и отпил еще вина из бокала. – Ты ожидаешь смирения от мальчика, который плоть

от твоей плоти. В его венах больше звериной, горячей крови, чем в венах пустынного льва, который красуется на твоём рыцарском гербе.

– Это меня и пугает в нём. Он слишком похож на меня.

Долгий разговор закончился далеко за полночь. Распровавшись с духовником, Ной настоял на том, что тот переночует в комнате для гостей и отправился в свою спальню, прихватив с собой остатки вина. Но сон не шел, и он, развалившись на подушках, просто смотрел в открытое окно на звездное небо, слушая жизнь города и вдыхая запахи ночи.

– Как мило. Убийца на отдыхе. – голос прозвучал из темного угла комнаты, и через секунду она вышла из-за книжного шкафа. – Ты неплохо устроился в столице, мой рыцарь, хотя по мне – слишком тесные комнаты и коридоры какие-то мрачные. Я бы тут все поменяла. Как думаешь, милый, этому дому не помешало бы немного ярких, кричащих цветов?

Анна игриво подошла к кровати и по-своему улеглась рядом с ним. Она была почти обнажена, ее бедра были покрыты широким поясом с чулками на подтяжках, а на груди красовался пушистый меховой шарф. Растрепанные волосы и тонкий аромат фиалок дополнял новый образ. И тут он заметил разницу. Она снова была прежней – лицо снова больше на-

поминало детское, впалых щек и усталых глаз как не бывало, а тело вновь было холеным и ухоженным.

– Ты вновь лезешь в мои сны, ведьма. – он откинулся на подушку и закрыл глаза.

– С чего ты решил, что это сон? – она делано нахмурила свой симпатичный носик и отшвырнула в сторону пушистый шарф, оголив два нежных полушария груди. Ной поспешно отвел глаза, сделав вид, что разглядывает почти пустой кувшин с вином. Она ликующе поймала его мимолетный взгляд и продолжила смешным гнусавым голоском. – Будем считать, что так ты говоришь- «я очень скучал по тебе, моя милая Анна».

– Это не может быть явью. Твой амулет у тебя на руке. Ты снова молода, а в прошлый раз выглядела несколько более потрепанной. И главное – ты не боишься меня. – с этими словами Ной отодвинул в сторону кинжал, который он сжимал под подушкой и ухмыльнулся.

– Ах это. . . . – девушка сделала вид, будто только что заметила появление украшения на ее запястье, при лунном свете бывшего белее слоновой кости.– Мне удалось уговорить этих смешных старичков, обложенных умными книгами, что это принадлежит мне. И они любезно вернули то, что ты так

бессовестно украл.

– Опять вранье. Слушай, если ты пришла вновь разделить со мной ложе, и тебе абсолютно все равно, что я ощущаю в процессе, то давай уже быстрее покончим с этим, чтобы я скорее проснулся и продолжил искать способ тебя убить.– при этих словах она вскинула бровь и коснулась холодным пальчиком его колена, поднимаясь все выше к бедрам.

– Ну уж нет, мой храбрый рыцарь, в этот раз ты сделаешь все как должно, и будешь ликовать от блаженства. И я тебе в этом немного помогу. – с этими словами она резко проткнула своим острым коготком кожу на его бедре, и прежде чем он успел отреагировать, жадно впилась в рану своими горячими губами. Как только первая капля крови коснулась ее жадного языка, волкодав ощутил головокружение. Тошнота подкатила к горлу, а выпитое вино забеспокоилось в желудке, словно ему там стало тесно. Резко похолодели ноги, а вслед за этим в голову ударила волна жара, шея покрылась потом, и перед глазами забегали синие круги. Он думал, как каждая клеточка его организма поет от непередаваемой энергии, даже волосы на теле встали дыбом. Инквизитор понял, что готов свернуть горы, переплыть океаны и добраться до самого неба в один прыжок. А еще он ощутил нестерпимый жар горячено рта, который в бешеном ритме ласкал его, магнетическую силу красивого женского тела рядом и пол-

ную вседозволенность, свободу от всего мира. Он жадно ответил на ее ласки, запрокинув ей голову и впился зубами в такую манящую и нежную шею. Она вскрикнула от боли, но быстро приняла правила игры и принялась неистово царапать его плечо своими острыми коготками, оставляя глубокие кровоточащие царапины. Он бушевал как неистовый зверь, сжимая ее гибкое тело своими сильными руками, а она выла от наслаждения, подхлестывая его страсть стонами и вздохами. Губы Ноя жадно блуждали по ее телу, выискивая самые чувственные и нежные места, а она лишь хохотала от щекотки и выкрикивала грязные ругательства, подзадоривая его.

Они бесновались так около часа, а когда огонь излился из них бушующим фонтаном, упали обессиленные на разных краях кровати. В голове Ноя творилось форменное безумие – сознание протестовало против происходящего, а тело лишь усмехалось над потугами разума вернуть себе утраченный контроль. И когда ведьма вновь поманила его своим маленьким пальчиком, он без промедления впился в ее искусанные губы, ощутив при этом привкус крови во рту. Анна отдавалась ему искренне и без остатка, и волкодав в изумлении наблюдал за тем, что они вытворяли, словно наблюдая за происходящим со стороны. Когда он во второй раз конвульсивно дернулся и сорвался вниз с водопада наслаждения, девушка гортанно вскрикнула от боли – так сильно он

сжал ее в своих объятьях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.